

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЯЦЕК ДУКАЙ

ИДЕАЛЬНОЕ
НЕСОВЕРШЕНСТВО

Звезды научной фантастики

Яцек Дукай

Идеальное несовершенство

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.162.1
ББК 84(4 Пол)

Дукай Я.

Идеальное несовершенство / Я. Дукай — «Издательство АСТ»,
2004 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-099904-0

В конце XXI века Земля отправляет к странной астрофизической аномалии исследовательскую экспедицию, но, не добравшись до цели, корабль исчезает. Его находят спустя несколько столетий, в XXIX веке, и на борту погибшего судна оказывается лишь один астронавт, Адам Замойский. Он не помнит, что произошло, не понимает, как выжил, и к тому же не значится в списке экипажа, но не это тревожит его в первую очередь. Адам попал в мир, где изменилось само значение слова «человек», где модифицировался язык, где реальность воссоздается, где она изменяема, а само понятие личности трансформировалось до неузнаваемости. Здесь конкуренция является двигателем эволюции, и побеждает тот, кто лучше контролирует ресурсы планеты и сами законы физики. Здесь идет сложная борьба за власть между людьми, инопланетными цивилизациями и постчеловеческими созданиями. Это мир, которому грозит невообразимая опасность, и, как не парадоксально, какое-то отношение к ней имеет таинственный и примитивный пришелец из прошлого, оказавшийся ключевой фигурой игры, ставки в которой он не может даже представить. Чтение этого романа – настоящая головоломка, прекрасная тренировка интеллекта. Вы находитесь в постоянном напряжении, но к концу чтения, несомненно, получите удовольствие.

KATEDRA При чтении «Идеального несовершенства» вам лучше смириться с невозможностью предвидеть дальнейшие повороты сюжета и действия героев. Тут все не то, чем кажется изначально. Этот роман по-настоящему сумеет вас удивить. P0LTER В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.162.1

ББК 84(4 Пол)

ISBN 978-5-17-099904-0

© Дукай Я., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Часть I	7
Глава 1. Фарстон	8
Глава 2. Пурмагезе	34
Глава 3. Мешок	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Яцек Дукай

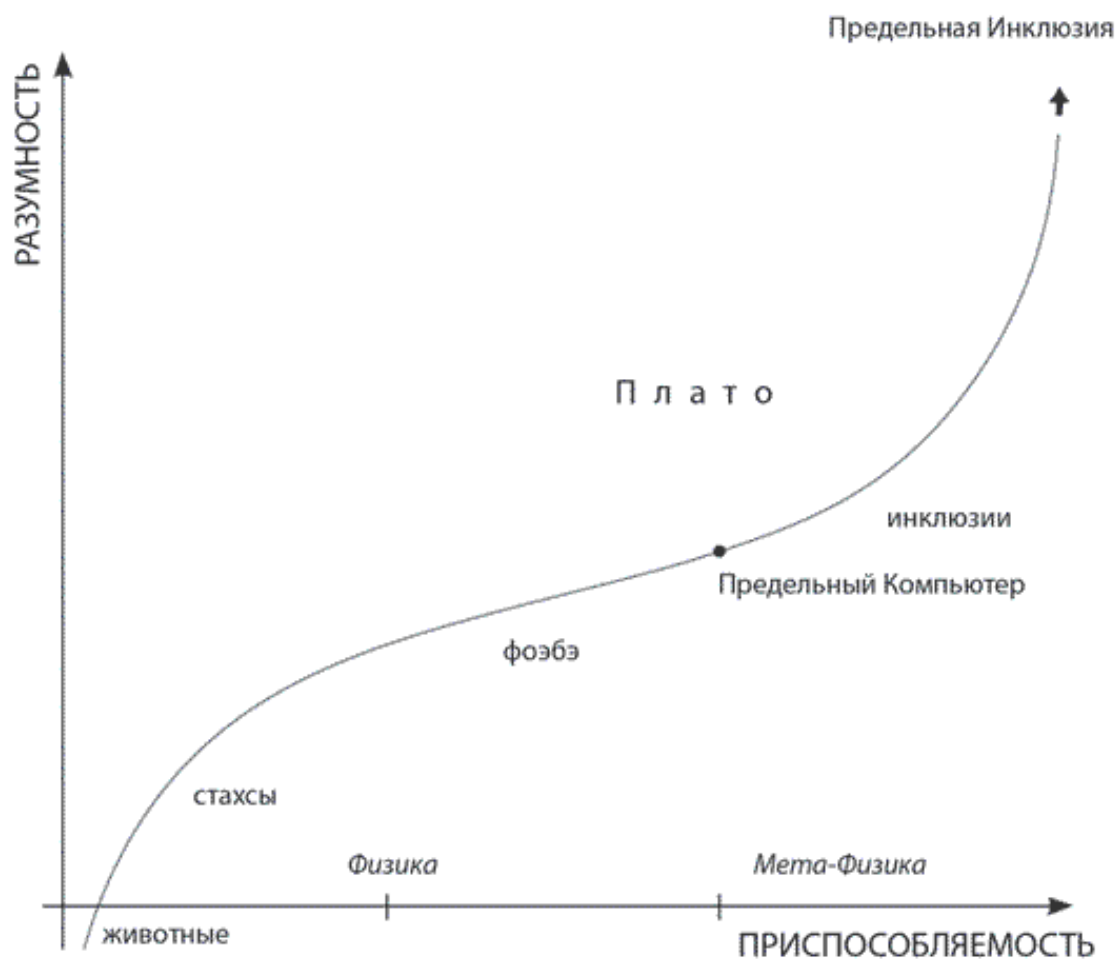
Идеальное несовершенство

Jacek Dukaj
Perfekcyjna Niedoskonałość

© by Jacek Dukaj. All rights reserved
© Сергей Лерега, перевод, 2019
© Tomasz Bagiński, illustration. All rights reserved
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

КРИВАЯ ПРОГРЕССА НОМО SAPIENS

Часть I

Все сущее изменяется во времени. Любое изменение ведет к форме лучше, хуже либо столь же хорошо приспособленной к окружающим условиям. Степень приспособленности очерчивает шансы сохранения данной формы.

Разум позволяет сознательно выбирать изменения к лучшей приспособленности.

То, что лучше использует окружающие условия, побеждает и вытесняет то, что использует их хуже. Жизнь разумная побеждает и вытесняет материю мертвую и жизнь неразумную.

Глава 1. Фарстон

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Совокупность правил и поведения, выведенных из данной культуры, использование которых служит для поддержания статус-кво оной культуры.

Разгов.: сообщества – и совокупности их материальных манифестаций и благ, – приписанные к данному месту в Прогрессе.

ФРЕН

(греч.) «оболочка утробы или сердца», средоточие психической жизни.

Характерная черта/структура для систем выживания информации, одаренных самосознанием.

Внимание: «Мультитезаурус» не располагает определением «самосознания».

Мультитезаурус (субкод HS)

Пятого июля, в день свадьбы своей дочери – а было се воскресенье, и солнце гремело с безоблачной синевы, соленый ветер рвал пурпурные полотнища знамен на шпильях замка, кричали птицы, – Джудас Макферсон, господин во владениях, стахс Первой Традиции, заседающий в обеих Ложах, владелец более чем двухсот гектаров^о Плато HS, почетный член Совета Пилотов Сол-Порта, президент «Гнозис Инкорпорейтед», был дважды убит.

Черный фрак, черные лакированные туфли, черные очки, жилет цвета закатного океана – сходя с террасы на газон, заполненный свадебными гостями, Джудас лучезарно улыбался.

Фозбэ Максимилиан де ля Рош всматривался в ту усмешку сквозь призму красного песка 2378 года, что омывало хрустальный бокал в ритме осторожных покачиваний егу ладони. На хрустале был вырезан герб Макферсонов: запретный дракон, дважды свернувшийся вокруг огромного бриллианта. Вино придавало гербу соответствующий цвет, насыщенного багреца, почти такого же, как на знаменах. На всех бокалах свадебного сервиза был вырезан подобный узор.

Фозбэ взглянула на императорского мандарина. Тот стоял в группе веселящихся спорщиков двумя шатрами дальше. Монголоидное лицо низкого мужчины как всегда оставалось неподвижным, пустым: Император не реагировал ни на смех, ни на дракона, которым Макферсон веками нагло попирает Основной Договор.

Император вообще мало на что реагирует, подумала фозбэ. Улыбающийся Макферсон обменивался замечаниями с озабоченным зятем. Смейся, смейся, человек.

Максимилиан следил за ними сквозь вино, сквозь дракона, сквозь хрусталь. Сейчас он ступил на Плато едва ли не точно, оставив прочие свои манифестации; манифестировался только в Фарстоне. Этот прием слишком важен, здесь решаются судьбы Прогресса. Умрешь, Джудас, умрешь смертью окончательной.

Де ля Рош также не передвигалась по Плато, не отправляла смысла на Поля «Гнозиса» и Макферсона, поскольку знала, что после, в рамках расследования, Император проверит каждую, даже самую малую дрожь оболочки. Поэтому терпеливо ждала, жмурилу глаза на солнце, пилу песок и вежливо раскланивалась с гостями.

– Растет клан Макферсонов.

Де ля Рош обернулась и узнала Тутанхамону, манифестацию открытой независимой инклюзии старого обряда: черноволосую, черноглазую девушку в шелковом сари, с множеством золотых браслетов на предплечьях, с изумрудным солнцем в левой ноздре, босую.

– Да будет она плодovита и да родит ему многих детей, – сказала Максимилиан, склоняя голову.

– Да, я не сомневаюсь, что ничего другого ты им и не желаешь, – усмехнулась из-за веера девушка.

– Ох, я ведь умею отделять политику от личной жизни.

– Личной жизни, фoэбэ? У тебя есть какая-то личная жизнь?

– Я говорила об их жизни, ооска.

Обое рассмеялись. Де ля Рош не спускала глаз с лица примовой манифестации инклюзии. Что онu осмелится передать? Даст ли некий знак? Что онu знает, и о чем мечтает?

С инклюзиями никогда ничего не ясно. Можно, конечно, попытаться их разгадать, но какие представления о мотивах проходящего над ним человека могут возникнуть у муравья? Симуляции френа Тутанхамону разрастались на Полях де ля Рошу в геометрической прогрессии, поглощая любую информацию о поведении манифестации. Но поскольку была это именно инклюзия —

У границ фoэбэ взблеснул на Императорском Тракте лауфер протокола. Де ля Рош впустила его. Лауфер принес приглашение от Тутанхамону в Императорские Сады. Де ля Рош подтвердила и развернула второй комплект чувств – второй перцепториум – и сопряженную с ним вторую манифестацию, настолько же нематериальную, как и вся *Artificial Reality* Садов.

AR-овые Императорские Сады согласно Основному Договору составляли часть Императорских Земель и – как сам Дом, Тракты и Державные Острова – были надолго вытравлены в Плато. Здесь царил протокол чуть посвободней протокола Первой Традиции, но инклюзия тактично манифестировалась образом идентичным тому, что и на свадьбе Макферсона.

= Плато в последнее время поет о странных вещах, = пробормотала Тутанхамон, поднимая взгляд к плоской тьме неба вне измерений.

Положение егу рук относительно туловища, изысканный жест веером – все находилось в безопасном белом шуме невербальной коммуникации. Де ля Рош прикрывалась сходными поведенческими контроллерами и не надеялась на нарушение конвенции со стороны инклюзии, чествующей старейшие традиции. Инклюзии менее консервативные, вместо того, чтобы приглашать фoэбэ в Сады под протоколом HS, просто произвели бы информационный осмос. Вне первой терции это наиболее естественный способ; разговор же, напротив, – мучительный, медленный ритуал.

Но Тутанхамон даже сейчас культивирует человечность, еще один раб Цивилизации. Все это раньше или позже должно рухнуть. В итоге разум раскованный всегда выиграет у разума скованного.

= Слушаешь его песни, фoэбэ? = допытывалась инклюзия, по-девичьи клоня набок голову. = Вслушивайся внимательно.

= Извечная литания: UI, UI, UI, иногалактические Прогрессы, твари из Бездны...

= Слушай внимательно.

= А ты – услышала нечто интересное, ооска? = спросил секунд де ля Рошу.

Он тоже представлял собой отражение примовой манифестации и тоже не выходил за конвенциональные программы языка и тела.

Этот протокол, думала раздраженно Максимилиан, называется Вежливость, и ни один хакер не сломает его вместо нас.

= Стахс Мойтль Макферсон... = инклюзия сделала паузу.

= Да?

= Ничто не возмущает покоя умерших, = Тутанхамон демонстративно проводила взглядом белых фениксов. = Поверхность озера – ровна.

Едва только стало произнесено имя праправнука Джудаса Макферсона, Максимилиан выпустили армию смыслов. Одни понеслись Императорскими Трактами через Плато; другие принялись прочесывать внешние Поля Максимилиана.

Вернулись вот с чем: несколько недель назад Мойтль забрал три корпоративных Клыка и исчез где-то в галактике; никаких официальных сообщений; цель неизвестна.

Де ля Рош спрашивает самуё себя: что экранируют от Плато?

Отвечает: смерть или темпоральный карман черной дыры.

Спрашивает: как Макферсон отреагирует на ампутацию френа своего потомка?

Отвечает (со смехом): не успеет отреагировать.

= Смерть внука стахса Джудаса – как неудачно бы получилось, = бормочет де ля Рош.

= Весьма и весьма.

Де ля Рош спрашивает самуё себя:

Возможно ли, что Тутанхамон подозревает в этом нас? И стоит ли в связи с этим исправить ему ошибку? Что получили бы Горизонталисты, убедив одну из сильнейших инклюзий, что обладают силой и решимостью для проведения прямых наступательных действий? Плато в последнее время пело и о нашей личной Войне, скрытой где-то за тридевятью горизонтами... Правда ли это? Действительно ли мы ею обладаем?

Максимилиан спрашивала с искренним интересом. Допускала, что перед прибытием в Фарстон подверглась сильному форматированию, вырезав себе из используемой памяти все необязательные, но компрометирующие данные. Максимилиан уже самуё не знала, что не помнит сейчас, а чего не помнила никогда. Наверняка где-то в различных внецивилизационных Плато имела она скрытые сферические метры и метры памяти, вырезанной из сердцевины своего френа, – она вполне ожидала такого от себя, даже будучи в нынешнем состоянии. Поскольку не лишило себя макиавеллистской подозрительности.

А возможно, именно эту подозрительность она дополнительно запрограммировала себе для визита в Фарстон.

Сказала:

= Надеюсь, что все быстро прояснится, и что никакое дурное известие не испортит такой прекрасный день.

Инклюзия сожгла свою плато-манифестацию и вышла из Садов. Де ля Рош отменила перцепториум секунда планком позже.

Она вновь сосредоточилась на газоне перед замком Макферсонов. Вся встреча в Садах не продолжилась дольше двух Г-планков а-времени.

Примовая манифестация Тутанхамону звякнула браслетами в коротком поклоне и отошла.

Максимилиан отыскала взглядом Джудаса Макферсона, раздраженную, что из-за протокола, обязывающего на приеме, приходилось ограничиваться лишь одной точкой зрения. Да-а-а, Традиция несомненно весьма выгодна для стахсов. Как там они, наши разлюбленные стахсы, умничают? «Если уж мы не можем – не хотим – подняться на их уровень, пусть они снизойдут на наш». «Тирания становится явной в любой детали, – думала де ля Рош. – Мы живем под ярмом у неандертальцев».

Она вошла в шатер, скрылась в прохладной тени цветной ткани. Отставила бокал с недопитым вином и положил себе в тарелку ледяное пирожное. Из умело укрытых динамиков сочилась музыка, смычковый квартет, некая импровизация, поскольку она так и не смогла ассоциировать ее хоть с чем-то, уже плавающим в морях данных.

Из-под стола на де ля Рош враждебно глянул пес, большой сенбернар. Заворчал из глубины глотки, поднимая башку. Звери не любят наноматических репрезентантов, их беспокоит полное отсутствие запаха у большинства используемых манифестаций, ведь инф, увы, слишком грубозернист... Максимилиан отодвинула своего прима от стола.

Ледяное пирожное оказалось тошнотворно сладким. Де ля Рош не желалу портить себе настроение и решила полюбить текучую сладость. Решила – полюбила. Облизывая губы, положила себе вторую порцию.

При выходе из шатра наткнулась на посла рахабов. Посол наделу манифестацию старого Марлона Брандо. Как раз перешучивалась с тройкой стаховых детишек, в рамках протокола педантично симулируя одышку и пот на лбу.

– А вот и нет, вот и нет! – кричалу, размахивая пустой кружкой. – Это не мы едим газовых гигантов, это уша!

– Уша инвертирует водородные облака, – упиралась девочка лет пяти на вид, в розовом платье, белых гольфах и с голубыми бантами, вплетенными в светлые волосы. Примовой манифестации посла она была по пояс.

– Неправда! – вскинулся мальчик с мордашкой, измазанным шоколадом. – Они из метановых морей!

– Ну, уж мне-то лучше знать, – вздохнула посол.

– Но тогда кто – кремовцы? – вмешался другой мальчуган, который до того размазывал по пиджаку пятна желтого соуса.

– Антари, – ответил ему шоколадный.

– А кто это?

– Да кремовцы же!

Посол, закатив глаза, пробралась к поставленной на подпорках большой бадье и наполнила кружку.

Максимилиан понимающе усмехнулась:

– Дети.

– Дети, – просопелу рахаб.

– Не поспоришь, есть в этом определенное очарование, прахбэ.

Посол вздохнула, словно кит.

– Эх, политическое ты животное, даже здесь мне спуску не даешь.

Взмахнула большой рукой и, обойдя карапузов, что докучали флегматичному сенбернару, вышла из шатра.

Максимилиан спокойно доела пирожное, отложила тарелку, отерла губы. Ону уже не слеталу с катушек так легко, как в начале свадьбы. Карта егу эмоциональных Полей снова напоминала Мандельброта, с хорошо фиксируемым стержнем и периферийными отражениями; новый чувственный протокол был более эластичным.

Прищурившись, стояла на границе солнца и тени, под складкой завернутого полотна шатра.

Облупленные стены замка высоко вставали над залитым солнцем газоном, каменные плоскости шершавой тени. Над глыбой замка плыл красный воздушный шар с выписанными по поверхности поздравлениями для молодоженов. Ветер с моря покачивал его, дергал вверх-вниз. На небе, таком чистом, таком голубом, не было ни облачка, даже птиц Максимилиан не видела, жара придавила их к земле. Тени замка и шатров вырезали на газоне ломаные формы, внутри них теснились гости. Под наибольшим, снежно-белым шатром готовился на овальном подиуме оркестр; ону видела музыкантов, настраивающих инструменты, детей, что прятались за досками эстрады. В углу, где лежала самая густая тень, некий мужчина, наверное, уже слегка поддатый, сняв пиджак, жонглировал четырьмя бокалами. Жена делала ему незаметные знаки. Но тот жонглировал все размашистей. Дети стояли с раскрытыми ртами. Несколько человек спорили, упустит ли типчик стекло. Взревела настраиваемая гитара, и бокалы упали на землю. Все, вместе с неудачливым жонглером, рассмеялись.

Максимилиан пригубил из Плато чуть глубже. Мужчину звали Адамом Замойским, но в платовой этикетке это поименование бралось в кавычки. Стахсом он не был. Также не был независимой манифестацией фозбэ старого обряда, а являлся собственностью Макферсона.

Материальные останки Замойского обнаружили на «Вольщане», на руины которого, идущие диким курсом резко от эклиптики, наткнулся трезубец «Гнозиса». Там нашли еще несколько трупов, но ни у одного из них не удалось отстроить мозг. Этот же залатанец – согласно данным с публичных Полей Плато – обладал оригинальными воспоминаниями и оригинальным френом. Теперь он находился под надзором СИ с Плато – эта семинклюзия фильтровала ему реальность, симулируя его современность и стимулируя реконструкцию памяти, ибо в той хранилась тайна судьбы «Вольщана».

«Гнозис» не информировала, почему Замойского просто не поместили в терапевтическую AR.

В публичных средствах Плато находилось довольно много данных о миссии корабля. Построенный на околотунной верфи ALMA в 2091 году, он отправился в путь 2 декабря 2092-го. Цель: пространственно-временная аномалия в половине светового года от Эпсилона Эридана.

Ах, это была первая экспедиция к Сломанному Порту! За этой информацией де ля Рошу не пришлось обращаться к внешним Полям, это был краеугольный камень Прогресса Хомо Сапиенс.

Порт Деформантов по неизвестной причине распоролся, минув Эпсилон Эридана. Ни одну Деформанту не выжили. После катастрофы там остался несимметричный изгиб пространства-времени, случайным образом рассеивавший пучки длинных крафт-волн. Объекты, которые подхватывал гребень такой волны, соскальзывали за границу действия земных телескопов со сверхсветовой скоростью.

В результате несколько земных государств отправили экспедиции для изучения феномена. Первые три просто исчезли, Сломанный Порт поглотил их бесследно. Конечно, ученые проявили изрядную неосторожность, когда вот так просто полезли прямиком в жерло вулкана, но в то время Хомо Сапиенс еще совсем ничего не понимали в крафтинге. Знания, технология пришли позже; на примере Сломанного Порта люди обучились базовым законам, благодаря ему построили свои первые Клыки, благодаря ему переступили Второй Порог Прогресса.

Принимая во внимание века дрейфа, «Вольщана» обнаружили в далеко не худшем состоянии. Но, похоже, он прошел сквозь мусорку в одной из систем, поскольку его продырявило большими и малыми метеорами. Всех шестерых членов экипажа нашли в анабиозерах. Двое погибли еще до их закрытия, остальные умерли в результате постепенного отказа оборудования.

Теперь де ля Рош оценили значение Адама Замойского, который на самом деле мог зваться иначе, но никто не знал как именно, поскольку его ДНК не соответствовала ни одной из шести ДНК людей, входивших в экипаж злополучного корабля. То же самое, впрочем, касалось и двух других трупов.

Неужели кто-то в глубоком космосе подменил троих людей? Изменил ДНК и РНК каждой из их клеток, всех митохондрий? Это несомненно указывало на интервенцию технологии из высших районов Кривой. Неужели Пятый Прогресс? Это было бы нечто! Консультировалась ли «Гнозис» относительно всего дела с антари, рахабами и уша? Нужно бы подготовить официальный запрос. Де ля Рош решила, что это не должно возбудить никаких подозрений: простое любопытство. Потому выслала Трактом лауфер в Поля корпорации. Несколькими К-планками позже лауфер принес ответ, сводившийся к единомысленному опровержению от всех трех Цивилизаций.

Тогда, возможно, некие Деформанты? Хм... Трудно сказать.

И все же, воскрешенец реагировал на фамилию Адама Замойского, Адамом Замойским себя помнил – «Гнозис» временно приняла эту тождественность.

Максимилиан подошел к Замойскому, который собирал осколки стекла с земли. (Только один бокал разбился.)

– День добрый.

– Ах, да-да. Вы выиграли или проиграли?

– Я не спорил.

– Я когда-то жонглировал пятью.

– Действительно?

Замойский выпрямился, завернул стекло в салфетку, осмотрелся и бросил ее в ближайшую корзину.

Примовая Максимилиану глядела на него спокойно, заложив руки за спину. Анализ английского, которым пользовался Замойский, указывал, что это не его родной язык.

Интересно, насколько плотен этот ретро-фильтр?

– Это будто Великая Ложа, – сказала примовым де ля Рош. – Три вместе – и все падает, разбивается в мелкиедребезги.

Замойский проигнорировал слова Максимилиану, смотрел равнодушно, головой не шевельнул, не моргнул и глазом.

Поведенческий анализатор не сомневался: Замойский не услышал ничего из слов Максимилиану, СИ отцензурировала.

Бедный полутруп, живет в 21 веке.

– Говорят, вы – космонавт.

– А, да-да, – теперь он отреагировал. – Космонавт. Был, – Адам добродушно скривился. – Мишка закопанский. Хотите сфотографироваться?

– Нет, спасибо. А случались с вами какие-нибудь интересные приключения?

– Простите? – рассеянно пробормотал Замойский.

Похоже, он уже сфокусировал свое внимание на чем-то другом – взгляд устремлен над плечом прима де ля Рош, на высоту замковых башен.

– В космосе, – продолжила фозбэ монотонным низким голосом, поворачиваясь к мужчине всем телом и наклоняя голову. – Случалось с вами там что-нибудь интересное? Знаете, люди всякое рассказывают...

– Ах, да-да. Что-нибудь интересное. Наверняка.

Он нервно потирал ладони. Это оригинальный фенотип, или его так масштабировали под нынешние условия? Да впрочем, а был ли он действительно Адамом Замойским? Все сводилось к арбитражным решениям. И оттого ему выбрали тело высотой метр и девяносто пять сантиметров, и благодаря этому был он теперь среднего роста.

От примовой Максимилиану вспотевшее лицо Замойского – на расстоянии вытянутой руки. Его светло-голубые глаза блестели совсем рядом.

На Полях фозбэ вопросы множились, словно горячая бактериальная культура. Были ли выбор возраста и лепка фенотипа воскрешенца случайными, или же они исходили из сканирования его мозга до реконструкции? Обладает ли «Гнозис» дополнительной, необнародованной информацией об экспедиции «Вольщана»? С какой целью Джудас пустил этого несчастного к свадебным гостям?

Лицо у Замойского изборождено глубокими морщинами, брови косматы, усы густы, рот – словно трещина в камне. Широкоплечий, он склонял голову вперед.

На периферийных Полях Максимилиану взрывались быстрые аттракторы визуальных ассоциаций: боксер – бык – бульдозер – таран.

– Ну что же? Приключение в космосе? Ха, может вы на следы внеземной жизни наткнулись! Знаете, какие сплетни непрерывно ходят? – допытывалась де ля Рош, терпеливо зондирующую четкость фильтра бдящей семинклюдии.

Но он, Замойский – не услышал? проигнорировал? был слишком пьян? задумался столь надолго? Ибо снова не ответил.

Из глубины шатра вернулась его жена, худощавая брюнетка в воздушном хлопке.

Жена? Плато насвечивает другой образ: наноматическая кукла охранной СИ. Скромная плато-визитка информирует о статусе манифестации: лизинг «Гнозис Inc.» – бессрочная императорская лицензия – терапевтическая функция.

– Сколько он помнит? – обратился к ней де ля Рош, уверенную, что семинклюдия это вырежет, и Замойский не услышит слов, не заметит даже движения губ.

– Из кратковременной памяти уцелело немногое, – ответила СИ, оглаживая белое платье.

Она миновала манифестацию фозбэ, одарив ее косым взглядом, и взяла Замойского под руку. Адам не пошевелился, чтобы вырваться, не пошевелился, чтобы притянуть ее ближе, не изменил и выражения лица. Казалось, он уже крепко набрался – хотя минуту назад жонглировал четырьмя бокалами. Неужели семинклюдия могла накладывать на него столь жесткую блокаду?

– Вы перенесли его на Плато или у него лишь сетка на коре?

– Только наноматическая привойка, – ответила СИ, потихоньку выводя «мужа» на солнце. – Расширенный коннектор Четвертой Традиции. Стахс Джудас надеется потом его убрать.

– Купит ему гражданство? – де ля Рош ступалу следом.

– Возможно, – семинклюдия двусмысленно улыбнулась. – Все зависит от. Впрочем, можете самуе спросить его, фозбэ.

Обе наноматические манифестации одновременно оглянулись на Макферсона. («На биологическую манифестацию Макферсона», – думалу Максимилиан.) Джудас Макферсон двигался в своем фраке сквозь густеющую вокруг толпу гостей, в сторону молодой пары, скрытой в тени первых деревьев парка, за столами с подарками. На губах: царственная полуулыбка. В глазах: злая ирония и презрение. Максимилиан не видел глаз из-за темных очков Джудаса, но именно такое выражение они имели в 99 % моделей френа Джудаса Макферсона, возвращенных на Полях де ля Рошу.

– Ну конечно, – вздохнула из-за их спин —

Кто? Миг-планковый анализ голоса, и Максимилиан уже знает, что это —

Анжелика, младшая дочка Макферсона, семнадцатое его дитя согласно Старой Традиции – вздыхает протяжно и говорит на выдохе:

– Полагаю, что именно так это выглядит на всех свадьбах, на которые его приглашают: он всегда главное событие, центр внимания.

Они повернулись к ней, примовая СИ поклонилась, Замойский поцеловал руку.

Анжелика сердечно улыбнулась ему.

– Господин Замойский, господин Замойский... вы снова перебрали? Может все же какие-то менее крепкие напитки. Или не по вкусу?

– По вкусу, – ответил мужчина, осторожно артикулируя звуки. – Тут все по вкусу. Но слишком... медленное.

– Да?

– Увы, я алкоголик, – кивнул он и схватил с подноса проходящего мимо кельнера еще один бокал.

– О? И почему же?

Де ля Рош захихикалу про себя. Что за диалог сквозь столетия...!

Ибо, собственно, насколько мягкими могут быть вмешательства следящей СИ? Например, должна ли она отредактировать последнее замечание Анжелики? Макферсон спрашивала о выборе, но Замойский происходит из эпохи фатализма, из эпохи предопределенности тела и разума. Тогда пили, потому что должны были пить. Болели, потому что должны были болеть. Умирали, потому что должны были умереть. Не было выбора.

А даже если Замойский слышит – то что конкретно? Что понимает?

– Этот напиток, – Замойский пустился в объяснения с совершенно серьезным лицом, на ровных ногах склоняясь над черноволосой девушкой; падающая башня, человек-обелиск, – этот напиток я выпью, поскольку прошлый был слишком слаб. А в том я нуждался, поскольку не хватило предыдущего. А он —

– Ах. Но в таком случае, какова же была Первопричина?

– Первопричина, моя дорогая, – Замойский поднял бокал к свету и, прищурив левый глаз, изучал цвет жидкости со вниманием, достойным дегустатора. – Первопричина всегда является тайной.

Анжелика носком туфли начертила на сухой земле линию между собой и Замойским. Тот опустил взгляд на ее загоревшую лодыжку. Анжелика – биологическая манифестация Анжелики – была высокой, худощавой, но с заметными, хорошо развитыми, рельефными мышцами. Она мало напоминала отца. Традиция обязывает передавать гены – а значит, костяк Анжелики унаследовала от матери или прадеда.

Де ля Рош вбирала информацию: Анжелика Мария Макферсон – Первая Традиция – девятнадцать лет – четырнадцатый год обучения в иезуитской школе из центральной Африки – неясный статус в структуре наследования Макферсонов – никаких официальных деклараций – архивирована в годичном или полугодовом цикле – отсутствие зарегистрированных активных плато-соединений – никогда не покидала Землю – политическая ориентация неизвестна...

Анализ ее слов: комплекс отца, сплетение любви и ревности, слишком глубокая тень, слишком ясные амбиции, самоирония.

Прогнозы пользы: слишком мало данных.

Поведенческие модели френа: пока непригодные, почти нулевые.

Анжелика глянула на фозбэ, склонив голову вбок и чуть вперед, так что черные волосы чуть закрыли ее загорелое, цвета красного дерева лицо. Но поскольку она продолжала улыбаться, это казалось детской игрой в жмурки, где все всё равно подсматривают сквозь пальцы. Бессловесный призыв: поиграй со мной. Семинклюзия и фильтрованный воскрешенец не были для нее полноправными партнерами для беседы. Потому Анжелика инстинктивно обращалась к фозбэ.

Они это чувствуют, думалу де ля Рош, как цветок чувствует положение солнца на небе, и поворачивается всегда в ту сторону: к вершине Кривой.

Стоя между псом и богом – к кому человек обратит лицо?

Де ля Рош раздувалась от взрывающихся в самой сердцевине его личности аттракторов гордыни.

– Интригуем, интригуем... – пропела Анжелика. – Почему фозбэ просто не поговорить с отцом?

– О чем?

– О судьбах революции.

– Я добропорядочный гражданин Цивилизации, – возмутилась манифестация де ля Рошу. – Отчего ты думаешь, стахс, что, как ты выразилась, я интригую против него? Я была приглашена на свадьбу – и прибыла.

Анжелика поджала губы – эквивалент демонстративного пожатия плечами.

– Я наблюдала, фозбэ, за тобой, кружащего меж гостями. Большевик, насыщающий взгляд последней роскошью Романовых. Обычно ты провоцировала бы ссоры на каждом шагу, бросилась бы на отца уже на лестнице, верно? Не так ли было всегда? А между тем – ничего подобного. Радует собственная вынужденная покорность. И я пытаюсь представить себе твои мысли, фозбэ: Судный День близок. Се Зло, которое падет. Разве не так?

Ону вскипелу на Плато, едва Анжелика начала говорить. Предательство! Предательство! Резетнуться! Выжечь Поля! Откуда она знает?

Действительно ли она могла прочесть это в его поведении? Настолько сильные ошибки в поведенческих алгоритмах? Де ля Рош проверилу свой осмотический барьер, но в Плато не уходило ничего, по крайней мере, ничего свыше нормы.

Ону наложила жесточайший протокол эмоций.

– Надеюсь, – сказала примом с горячим убеждением, – что Судный День и вправду близок.

Чопорно поклонилась и отошла.

Замойский вопросительно взглянул на примовую СИ. Та явно пришла в замешательство.

Высунув кончик языка, Анжелика рисовала носком туфельки вторую параллельную линию. Обычно появляется абрис полукруга, человеческие конечности движутся не по прямым, а по дугам – и значит нужно сопротивляться телу, сознательно управлять мышцами. Инструмент воздействует на контролирующее его сознание – а не должен.

С взглядом, опущенным к земле, и глазами, закрытыми за волосами, Анжелика раздумывала, не был ли весь разговор с лидером Горизонталлистов от начала до конца изрядной ошибкой с ее стороны. Отец Френет говаривал: *«Повиновение – оружие властных. Никто не совершенен. Но мудрый использует и собственные несовершенства. Комплекс превосходства лучше всего скрыть под маской глупости»*. Она же минуту назад пренебрегла этим советом и вслух обвинила де ля Рошу в двуличности. В высших сферах – в сферах, где всякий день обращается ее отец – притворяться глупцом и плохо информированным – фундамент *savoir-vivre*. Истинные Силы, скрытые в тени, потягивают шампанское в манифестациях ласкового невежества. Это парвеню с горячей кровью гордятся своими знаниями и умом – что за безвкусица, что за кич.

Отец Френет посоветовал бы ей сейчас вспомнить о наибольшем своем унижении. Наверняка, это было бы воспоминание о каком-нибудь его уроке. Ведь старый иезуит был главной фигурой в жизни Анжелики, к нему прежде всего обращались ее мысли, рефлекторные ассоциации, как, например, в этот миг.

А Джудас Макферсон, ее биологический и законный отец... что значил он? Был звездой, далекой, может и путеводной, может и солнцем, в огне которого она горела с детства – но потому так и относилась к нему: с бесчувственным равнодушием, которое испытываешь к астрономическим объектам.

Он дважды посетил ее в Пурмагезе. Впервые – через десять месяцев после того, как ее отдали иезуитам, когда было ей шесть с половиной лет. Во второй раз – три недели тому назад, когда Анжелика уже знала, что все равно они скоро встретятся на свадьбе Беатрис.

Первого визита, если честно, она почти не помнила. Он что-то привез в подарок – что? Сладости, наряды? Взял ее на прогулку по окрестностям. Тогда был сезон дождей, далеко они не зашли. Кажется, она плакала.

Во второй раз уже она взяла его на прогулку, длинную прогулку по Африке. Шли они три дня. Никаких проводников, носильщиков; только она и он. В радиусе двухсот миль от монастыря и селения Пурмагезе она знала каждый водопой, каждую опасность. Шла впереди и рассказывала отцу по-французски о секретах этой земли.

Анжелика навязала быстрый темп. Вскоре он обессилил; утирал пот под шляпой и спотыкался на ухабах. Ничего не говорил – не хватало дыхания. Она не замедляла шаг. Знала,

что отец, как стахс Первой Традиции, не может похвастаться никакими улучшениями тела, за исключением антигеронтической геноблокады; что его организм переносит ужасную жару экваториальных равнин куда хуже ее организма, с детства приученного к этому климату и к усилиям в этом климате. И отец тоже это знал – и она знала, что знает – знали оба. И все же – он шел; задышался и шел.

Только в полдень она остановилась и уселась в тени большого хлебного дерева. Он обессилено свалился рядом. Анжелика отложила карабин и подала отцу флягу. Джудас перевел дыхание, чтобы не поперхнуться, и выпил. Сидели молча. Она слушала, как он медленно успокаивает дыхание; чувствовала резкий запах его пота. Откинувшись на ствол дерева и сдвинув очки, он из-под прикрытых век рассматривал стервятников, что пировали над трупом гиены. Двигались только его глазные яблоки, голова Джудаса Макферсона не сдвинулась ни на миллиметр, даже когда он поймал черными зеницами испытующий взгляд дочки.

Когда тени удлиннились, она встала, и они двинулись дальше. Анжелика шла медленнее. Теперь уже ничего не говорила. Перед закатом подстрелила искалеченную антилопу, что сама приковывалась под ствол. Анжелика разожгла костер и, высоко закатав рукава мокрой от пота рубахи, освежала животное, разделала тушу. Отец сидел на камне, согнувшись, воткнув локти в колени, шляпу сдвинул на самую границу коротко стриженных волос. Отблески быстрого огня оживляли его неподвижное лицо. Максимилиан смотрел, как дочь управляется с добычей, руки ее были по локоть в крови.

Тогда он и заговорил, впервые после того, как они покинули Пурмагезе:

– Я мог бы в тебя влюбиться.

Захваченная врасплох, она подняла голову и пробормотала:

– Я ведь, кажется, твоя дочь.

– Да, теперь точно вижу, что – моя, – усмехнулся он. – На самом деле все мы влюбляемся в самих себя.

Анжелика не знала, что ответить, потому лишь насадила окорок на оструганный колышек и подвесила над огнем. Вытерла руки.

Уже подготовившись, взглянула ему в глаза.

– Ты пришел взять с меня клятву верности? Прислал мне приглашение в Фарстон. Значит ли это, что я уже свободна?

– Тебе не хватает до совершеннолетия пяти лет.

– И ты станешь держать меня здесь до конца?

– Тебе так плохо у иезуитов?

– Это тюрьма! – вспыхнула она.

Он окинул взглядом ночную саванну:

– Довольно обширная.

Анжелика вскинулась:

– Ты знаешь, о чем я. Ты сослал меня сюда.

– Как думаешь, почему?

– Да-а, не сомневаюсь, причины у тебя были.

Отец покачал головой – аж хрустнуло в шее.

– Все родители делают некий выбор, когда решаются завести детей. Мы, из Первой Традиции, не манипулируем генами. Но никто не отказывает нам в праве выбора того, каким образом дети будут воспитаны. Это часть Традиции, это всегда была прерогатива родителей. А ведь через воспитание мы формируем детей даже сильнее, нежели просто вылепляя их ДНК. Традиция дает мне двадцать четыре года. Я намерен их использовать. Не удивлюсь, если к тому времени получу дочку, которая меня ненавидит; но я весьма разозлюсь на монахов, если эта дочка не окажется сильной, умной, самостоятельной женщиной. Через век-другой мы встретимся на каком-нибудь из приемов в замке, и тогда – скажешь мне, плохо ли я поступил.

– Тогда – скажу.

Она вспомнила, что Джудас Макферсон знает генерала иезуитов с незапамятных времен. Это «Гнозис» купила для ордена Пурмагезе. Уже неоднократно он присылал сюда своих внуков, своих детей. Взрачивал свою семью, как взращивают экзотические сорта цветов. Что можно к такому отцу чувствовать? Что куст чувствует к садовнику, чья рука его обрезает?

Наверное, он заметил этот вопрос в ее глазах.

– Как думаешь, согласно какому образу воспитываются дети? – вздохнул он. – По сути, цель здесь лишь одна: сделать из них хороших людей. Независимо от того, как те или другие определяют «хорошего человека». Ты согласна?

Она осторожно кивнула.

– Итак, я убедился, – продолжил Джудас низким голосом, – убедился, что не существует и не может существовать ни одна этическая система, ни один универсальный, общий образчик поведения, более или менее развитый свод заповедей... применение которых гарантировало бы человеку уверенность в правильности выбора. Всегда, раньше или позже – но обычно достаточно быстро – ты оказываешься в ситуации, к которой система неприменима, или же дает противоречивые рекомендации.

– Этическая теорема Гёделя.

– Ведь в жизни мы не оцениваем поступки, сопоставляя их с таким вот образцом. Происходит иначе. Мы сталкиваемся, наблюдаем, реагируем: хорошо; плохо; а чаще всего как-то средне. Всякий конкретный случай – это исключение. Совпадения с правилами редки. Но как тогда – не передавая знание и опыт – как иначе я могу воспитать своих детей? Собственно, только так: добиваясь, чтобы они могли верно реагировать на непредвиденное – чтобы разум мог адаптироваться, распознавать добро и зло в том, что он видит впервые, чего никогда никто не видел. Я говорю о профилировании твоей нейронной сети. Но опять же: мы – стахсы. Я не могу этого делать – не напрямую. Только через влияние на предоставленные твоему разуму раздражители. Что извечно и называлось воспитанием детей.

– Значит —

– Значит – Пурмагезе и орден. Думай о нем как о саде, чья почва содержит нужный химический состав.

– Но не Фарстон, он – нет.

– Не Фарстон.

– Ты подавал бы мне там плохой пример.

– Думаешь, что проблема в этом? В том, чтобы брать пример? Берешь ли ты пример с отцов-иезуитов?

– Я не сделаю такого со своими детьми. То есть...

– Какого?

– Не буду унижать их.

– Наверное. Что не мешает воспитанию. Ибо что тогда его противоположность? Случай.

– По крайней мере, я была бы уверена, что случай не имеет на меня никаких планов; что я сама не оказалась запланирована.

Но кроме горечи было в ней еще и теплое удовлетворение: что он не покинул меня, не забыл, все эти годы, в Фарстоне, пусть даже недостижимый физически, – воспитывал ее.

На второй день они перешли дорогу стаду слонов, состоявшему из десяти взрослых особей и двух малышей. Отец задержался и наблюдал за животными где-то с час.

– У вас ведь наверняка есть множество планет с куда более интересной фауной, – заметила она.

Он кивнул и сказал:

– Но это ведь слоны. А о тех зверях я снов не вижу.

Анжелика вздрогнула. Отвела взгляд, чтобы он не догадался. Что еще наследуется? Закусила губу.

Когда они уже возвращались, на последней стоянке, он заговорил о ее планах на будущее.

– Вырваться отсюда, – брякнула она, не задумываясь.

– И?

– И убедиться, есть ли что-то прекрасней восхода солнца над Африкой, – ответила она через миг-другой, заталкивая ногой корягу в костер. Конечно, это была уловка, не искренний ответ; но уловка хорошая.

– Амбиции?

Она покачала головой.

– Их я тебе не дам.

Он засмеялся – приятно, без издевки, она могла присоединиться.

Через несколько дней после его отлета, во время разговора с отцом Френетом, она вдруг что-то в сердцах сказала о Джудасе.

– А мать? – спросил тогда иезуит. – Отчего ты не винишь мать?

– А что она может, ведь —

– Думаешь, он ее не любит?

– Не знаю. Я не знаю ее.

– А его?

– Тоже нет.

– Но решишь на искренность: разве в глубине души ты им не благодарна?

– Возможно. Иногда.

– Именно для того и существуют такие школы, как наша, – сказал отец Френет, набивая трубку. – Нося фамилию Макферсон, так или иначе, ты не могла ожидать нормального детства. Родители избрали для тебя Пурмагезе. Безрассудно полагать, что тем самым они хотели сделать тебе плохо. А то, что ты на них обижаешься – это хорошо говорит о тебе. А значит, и об их выборе.

Потому что она родителей почти не помнила, но чувствовала себя их дочерью и тосковала.

Вчера мать взяла ее на верховую прогулку по Фарстону. Первый час они лишь наслаждались видами и прислушивались к дружеским препирательствам коней. Кони, понятное дело, дискутировали о политике.

– Не припоминаю, чтобы вы держали здесь генималов, – сказала она матери на латыни, которой, как полагала, кони не понимают.

Остановились они на взгорье, откуда как на ладони были видны замок, озеро, парк и дорога. Мать склонилась в седле, похлопала скакуна по шее.

– Мы получили нескольких в подарок от Хузаю. Нельзя избавиться от них слишком быстро, хотя это, несомненно, против Традиции.

Хузай были одним из лидеров Вертикалистов. Анжелика хорошо ориентировалась в актуальных оборотах политического колеса фортуны, полученное у иезуитов образование, противу ожиданий, охватывало множество довольно приземленных областей знания. Вертикалисты, отдающие предпочтение вертикальному содружеству Прогресса перед горизонтальным содружеством отдельных его терций, были естественными союзниками Макферсонов и «Гнозис Инкорпорейтед».

– Как для друга – несколько проблемный подарок.

– Хузай – не друг. По крайней мере – не наш.

– Может, кому-нибудь стоило бы посвятить меня в стратегию клана.

– Не думаю.

Анжелика с трудом, что не удивительно, совладала с непроизвольным желанием ответить и не посмотрела на мать. Устремила взгляд к горам и лесам.

Мать, должно быть, заметила ее реакцию. Тихо засмеялась.

– Ох, дитя, ты Макферсон до мозга костей!..

Мать была высокой, с темно-зелеными глазами, длинные золотистые волосы перевязывала на затылке. В виде очередных своих пустышек Анна Макферсон замерла на тридцати годах, а на самом деле ей набежало уже под четыреста. Как и следовало, она была удивительно красивой.

Мать подъехала к Анжелике, склонилась в седле, обняла ее, притянула к себе. Сжимая в крепких объятиях, зашептала прямо на ухо, так, что Анжелика с трудом различала слова в урагане теплого дыхания:

– Никто не отберет у тебя то, что тебе принадлежит. Мы уже виделись, когда тебе исполнилось пять. Помню тебя. Помню тебя, доченька.

Но Анжелика матери почти не помнила. Четырнадцатилетнее изгнание под страшное солнце Африки сделало ее чужой в родном доме, чужой среди братьев, сестер, кузенов. Но неожиданно прошептанное Анной Макферсон слова пробудили в Анжелике зародыш эгоистических мыслей, полный образ которых она уже предчувствовала.

Кружа теперь меж свадебных гостей – а ведь были это представители наивысших сфер Цивилизации, от первой до третьей терции Прогресса – она раз за разом чувствовала уколы этого терпкого удовлетворения, радости со вкусом хинина; могла даже стать от нее зависимой. Ветер приклеивал платье к телу, солнце приятно грело, воздух пах влагой. Она вежливо улыбалась. Все смотрят на нее – и что же видят? Очередной опасный секрет Макферсонов. Кто ни взглянет, сразу же начинает прочесывать Плато в поисках обрывков песни о младшей дочери Джудаса Макферсона. У стахсов более поздних традиций она даже могла заметить характерную рассеянность взгляда, когда, поглядывая на нее – из полупоклона, пока поднимали бокал, – они читали в ОВР официальную этикетку Анжелики Макферсон, а также, почти наверняка, обширные выписки из сплетен о ней в Плато.

Сама она знала Плато только в теории. Естественно, все иезуиты жестко держались правил Первой Традиции. Допускалось, правда, использование ВР – частичной и одночувственной (такой пользовались уже в конце XX века), но Анжелика имела дело исключительно с внешними интерфейсами (никаких привоек, прямых нейронных соединений); и уж никогда она не пользовалась ОВР, грубо мешающей ВР с реальностью, и не манифестировалась ни в Садах, ни в Императорском Доме. Ничего удивительного, что гости могли узнать о ней очень немного. Но это, конечно, лишь разжигало их любопытство.

Всякий раз это забавляло ее все сильнее; злорадное удовлетворение росло в ней, словно шар холодного гелия (эта легкость в груди), как древесный гриб, инвазивная опухоль. Наконец, она не сумела совладать с собой и воткнула шпильку фозбэ де ля Рош. Увы, дерзость удалась даже слишком хорошо; видимо, попала прямо в нерв.

Покорность, повторял отец Френет, покорность. Вот самая неприметная форма оскорбления. И если не сумеешь избавиться от надменности, по крайней мере, не выказывай ее вульгарно.

Перед самой свадебной церемонией одну из ассистенту отца – по сути, личную секретарю, к тому же принадлежащую к клану Макферсонов: Патрик Георг – ознакомил ее со списком гостей и с их обычными манифестациями, чтобы, при отсутствии платового суфлера, она не ощущала во время церемонии совершеннейшую потерянность. Когда в том списке они добрались до Замойского, и Патрик рассказал его историю, Анжелику пронзил легкий озноб, она поняла – лишь тогда – весь трагизм ситуации воскрешенца. Озноб был ознобом ужаса: а вдруг бы со мной случилось нечто подобное?..

Потом она присматривалась сочувственно, как он напивается под бдительным оком надзирающей семинклюзии.

Теперь же отчетливо видела в тяжелом взгляде Замойского тот безмятежный фатализм, меланхолию с послевкусием плесени. Мог ли он догадываться о правде? Не потому ли, собственно, пил?

– Господин Замойский... вы позволите.

Взглядом отодвинув примовую СИ, Анжелика сама взяла воскрешенного астронавта под руку и вывела из тени шатра в белый гул солнца. Жара не производила на нее особенного впечатления, не была и вполонину такой густой, как твердый зной африканского полудня. По крайней мере, они вышли из поля зрения забившихся в тень гостей.

– Господин Замойский, – сказала она, без проблем направив его к лавкам, скрывавшимся в пятнистом полумраке от первых рядов парковых деревьев, – скажите мне: что вы помните? Скажите мне, – будто заклинаниями своих слов она могла снести внедренную наноматической сетью блокаду его разума. – Что за воспоминание вас так тяготит?

Он, не сопротивляясь, позволял направлять себя – возможно, ему было все равно, куда идти, а возможно, его радовало близкое присутствие Анжелики. На манифестацию надзирающей семинклюзии – своей жены, своей любовницы – он даже не обернулся. Шаггал излишне ровно, тщательно следил, чтобы не цепляться низко поднимаемой подошвой о неровности грунта. Они уже сошли с раскинувшегося перед террасами замка газона, ровного, словно корт.

Анжелика искоса наблюдала за Замойским, демонстративно раскланиваясь с теми, мимо кого они проходили. Они кланялись ей как хорошей знакомой – прекрасно знали ее по компиляциям с Плато: знали ее вид, психическую конструкцию (поведенческие модели френа используют в своих анализах даже ритм шагов и угол наклона головы, даже это движение брови или разомкнутых губ), знали историю ее жизни (насколько могли проследить на основании утечек информации в Плато), знали Анжелику Макферсон, возможно, лучше ее самой. Такова цена хининового удовлетворения.

Замойский же смотрел прямо перед собой, не раскланиваясь в ответ ни с кем. Дикое искалеченное животное; не дразнить, водить осторожно. Она наблюдала за ним искоса. Каждый из свадебных гостей знает об Адаме Замойском больше Адама Замойского – и вся разница лишь в том, что сам он не в курсе этого.

Они уселись на лавочке под раскидистым дубом. Замойский выпрямил левую ногу, склонился и энергично обтряхнул черную штанину от воображаемой пыли. Анжелика, которая так и не отпустила руку мужчины, ощущала в напряжениях и расслаблениях его мышц сменяющие друг друга завихрения мыслей воскрешенца.

Подошел кельнер, и Замойский решительным жестом стянул с подноса стакан с виски. Анжелика довольствовалась апельсиновым соком. Отцовские иезуиты держали воспитанницу в Пурмагезе подальше от любого алкоголя; ее текущий опыт ограничивался несколькими глотками рома, поданного для согрева, и пива, которое аборигены гнали из проса.

Замойский в молчании выпил свой виски, стакан с остатком жидкости старательно водрузил на правое колено. Потом поглядел на него с кривой полуулыбкой: устоит или не устоит.

Анжелика посмотрела на стакан, на эту полуулыбку. Они встретились взглядом.

– Господин Замойский...

– Моя драгоценная амазонка...

Она погрозила ему пальцем.

«Амазонка» – это тогда она увидела его впервые: когда возвращалась из поездки с матерью; тогда ее увидел он.

Он пускал камешки по озеру. Те рикошетили от спокойного зеркала воды, раз, два, три, четыре, пять, шесть. Примовая манифестация надзирающей СИ стояла рядом и делала вид, что читает газету.

- А он хорош, – пробормотал конь матери.
- Сделает семь, – заявил скакун Анжелики.
- Не делает.
- Сделает.
- Спорим.
- На что?

Анжелика возвысила голос над их непрекращающимся спором.

- Очередной кузен? – спросила она.
- Нет, нет. Даже не стахс, – ответила мать. – Жертва кораблекрушения. «Гнозис» его выловила. Джудас держит беднягу из интереса. Ту девушку под ивой, ту, с «Таймс», зовут Нина – это наномат СИ на его мозгу.

- СИ? Зачем?

– Она накладывает ему в реальном времени тождественную симуляцию двадцать первого века. А его зовут Замойский. Мрачный персонаж.

- Ей приходится манифестировать себя вовне? Этой Нине.

– Рекомендация когнитивиста. Какие воспоминания отпечатываются глубже прочих? Те, с которыми связаны сильнейшие эмоции. За эти веревочки и нужно дергать; он вспоминает, когда видит Нину.

- Любовь.

– Ненависть. И то, и другое. Все, что он прочтет в ситуациях, словах, поведении. Рекомендованы мультиперсональные интеракции. Возможно, его память частично реконструируется.

– Сквозь ревность к правде прошлого, – пробормотала Анжелика. Латынь, которая всякий раз заставляла ее задумываться перед ответом, провоцировала на формулировку грамматически усложненных фраз с нарочитой аллегоризацией смыслов.

Они выехали на берег озера, и кони замолчали, начав пить. Анжелика и мать сошли на землю. Замойский швырнул еще пару камушков; отряхнув руки, подошел к женщинам. Мать представила их друг другу.

Но примовая СИ тотчас замахала газетой и позвала Адама назад, и на том завершилась первая его встреча с Анжеликой.

– Он пьян, – сказала Анжелика матери, когда воскрешенец удалился настолько, что не мог уже их услышать.

– Пьян, даже когда без алкоголя в крови. Когнитивист не имеет ничего против. Мы располагаем полной архивацией.

- Зачем отцу этот Лазарь? Так уж необходимо держать его в собственном доме?

- С легкостью можешь спросить Джудаса, может он тебе ответит.

Случай не представился. Отец редко появлялся в Фарстоне, да и тогда она видела его лишь издали.

Зато Замойский был под рукой.

- Итак, память о каком прошлом вас так тяготит?

Анжелика ждала хотя бы малейшего изменения в выражении его лица: знака, что СИ позволила ему услышать вопрос.

Наконец, он искривил губы.

– Порой мне кажется... – начал он, с таким огромным трудом артикулируя слова, что даже наклонился невольно вперед, к стакану; в стакан вперил свой взгляд. – Порой...

- Что?

- Что нечто должно было случиться.

- И что же?

– Эти взгляды. Полужесты. Когда они думают, что я не вижу. Вы тоже. И Нина. Все. Корпоративные юристы. И остальные. А когда я подшофе, чуть более легкий, чуть более умный... тогда мне кажется, что это я – что именно я обладаю некоей тайной. Что я был... извлечен.

Он будто считывал фразу с поверхности алкоголя, слово за словом. Не расслаблял напряженных мышц; напрягся еще сильнее. Анжелика слушала его с растущим удивлением и – с чем-то вроде изумления.

Значит, не существует идеальных фильтров: отцензурированных слов Замойский не слышал, недозволенного не видел, но несмотря на все, что-то до него доходило – как-то – в атмосфере, в настроении момента, в ощутимом напряжении между собеседниками.

Он не мог знать, но – предчувствовал.

Малые шахматы с семинклюзией, подумала Анжелика, попивая сок. Вдали, меж гостями, она видела отца; тот как раз склонил ухо к губам мандарина. О чем они там говорят, отец и Император? Секреты Цивилизации на свадьбе моей сестры. Но такова правда, это не ее свадьба – мало кто пришел на нее ради самой Беатрис и Форри, большинство прибыло из-за Джудаса Макферсона. Ставлю ли я ему это в упрек? Она задумчиво заглянула в свой стакан, бессознательно копируя поведение Замойского. Злюсь ли на него? Нет, пожалуй, уже нет. Слишком банальная причина, чтобы обижаться на собственного отца. Она сделала еще глоток холодного сока.

Ну, значит, придется играть в шахматы с СИ. Она обратилась памятью к истории завоевания космоса в XXI веке.

– Где вы учились? В GLOM?

– Нет, я был из европейского контингента, – ответил он непроизвольно, не задумываясь.

– Брали женатых?

– Насколько знаю —

Гром прокатился в горячем воздухе, заталкивая в рот Замойскому произнесенные слова. Стакан упал с колена на землю. Оба, Анжелика и воскрешенец, вскочили на ноги, он – словно еще и протрезвел.

Все гости отреагировали схоже: нервная дрожь, миг неподвижности, потом взгляды в поисках источника звука. Разговоры упали до шепота. Продолжала играть музыка – скрипки, словно бы из Штрауса, но слишком резкие, без штраусовской плавности. Рах-рах-рах, рарарах, рах —

На газон ворвалась черная, словно эбен, женщина с пламенем над головой.

Была она обнажена, глаза кроваво-красные, ногти трупно-бледные. Мчалась огромными прыжками. Люди были ей по пояс. Язык пламени метровой высоты бил ввысь с ее безволосой головы, ослепительный плюмаж, меч чистой плазмы.

Гости смотрели, не двигаясь. На лицах погруженных в Плато стахов Анжелика заметила судороги удивления, некоторые оглядывались вокруг, надеясь на интервенцию Императора при посредничестве инфы. Если такая и случилась, Анжелика, видимо, это пропустила. Не могла оторвать взгляда от женщины-огня.

Не только она. Сотни гостей, дюжины энстаховых работников фирмы, нанятой для организации мероприятия – все, погруженные в странный ступор, тарасились, как жуткая негритянка газельими прыжками преодолевает замковый двор, направляясь к – Анжелика перевела взгляд – прямо к Джудасу Макферсону!

На пути великанши стояло с десятков персон, но Анжелика не сомневалась. И не только она пришла к такому выводу. С дюжину наноматических манифестаций гостей кинулось наперебей черной спринтерке. Поскольку к этому обязывал протокол, они были в своих гуманоидных образах, медлительными и неуклюжими сравнительно с негритянкой: ни побегать быстрее человека, ни ударить сильнее, ни выжить от того, от чего не выжил бы человек.

Гонка длилась всего несколько секунд, слишком быстро стало очевидным, кто имеет, а кто не имеет шансов ее догнать. Осталось четыре манифестации, способных преградить ей дорогу.

И тогда произошло кое-что странное – Анжелика даже моргнула, в первый миг не поверив глазам, – поскольку женщина-огонь, в прыжке, совершенно не замедляясь, раздвоилась.

А долей секунды позже – раздвоилась снова: уже четыре живых факела бежали к хозяину.

После подобного разрежения наноматической манифестации (а ни у кого уже не было сомнения в природе происходящего), отдельные ее копии некоторое время будут относительно ослабленными из-за опоры на неполные связи. Одновременно, свободная мультипликация доказывала, что бегущая негритянка совершенно игнорирует протокол. А если так, ограниченные его запретами наноматы не имеют ни малейшего шанса – поэтому все четверо самозванных героев остановились, пропуская огненный квартет. Нет такой игры, в которой честный игрок выигрывает у обманщика, игнорирующего любые правила.

Анжелика смотрела на отца. Несмотря на расстояние, она видела все отчетливо.

Тому оставались секунды. Он не убегал. Что-то говорил мандарину. Мандарин всем своим видом выказывал раскаяние Императора: упал на колени, бил челом перед Джудасом.

Джудас отдал кельнеру бокал, снял очки и глубоко вздохнул. Потом что-то сказал жене, и Анжелика тогда увидела над плечом матери спокойное лицо отца.

Смогла прочитать слова по экономным движениям его губ:

– Живописное покушение, ничего не скажешь, постарались.

У нее перехватило горло. Анжелика поняла то, что он хотел объяснить ей под черным небом Африки. *По сути, все мы влюбляемся лишь в самих себя.*

Надеюсь, что ты архивировался с памятью о тех трех днях в Пурмагезе.

Лишь бы это случилось быстро и безболезненно.

Первая из женщин-огней добежала до Джудаса, схватила его двумя руками и разорвала в клочья. Гости смотрели с интересом. Мясо и кровь с мокрым звуком разлетелись на несколько метров во все стороны. Когда-то Анжелика видела, как две львицы рвут антилопу. Та была их пищей, поэтому они вели себя куда гигиеничней.

Мандарин взорвался рассеянным облаком наноматической взвеси, и в этом образе бросился на убийцу. Объял ее высоким вихрем инфы; они исчезли за завесой пыли.

Три оставшиеся копии развернулись и бросились прямо на Анжелику.

Ее сердце замерло.

Почему я? Почему я? Почему? Полгода с последней архивации. Куда переносится боль, если сперва вырвут позвоночник?

Бежать. Догонят.

Кровь в голову, кровь от головы, лед в груди.

Она села.

Замойский видел, как девушка сползает на лавку, почти без сознания, побледневшая под темным загаром. Вынул из ее руки стакан с остатками сока. Она не реагировала. Смотрела прямо перед собой широко раскрытыми карими глазами. Он проследил за ее взглядом, но не заметил ничего необычного. Музыка перестала играть, и гости отчего-то смотрели – в большинстве – в сторону противоположного конца газона. Что-то случилось? Но что именно? Он осмотрелся снова, дезориентированный. Может поймать кого-то из obsługi и спросить? Но здесь, возле линии деревьев, увы, не проходил ни один из них.

– Мисс Макферсон?.. Что вы —

Она яростно отмахнулась от него. Поднялась и энергично выпрямилась, словно хотела встать по стойке смирно.

Адам нахмурил брови, стараясь воссоздать в памяти звук грома. Небо безоблачно. Может, она испугалась? Но почему перестала играть музыка?

Чем дольше он вслушивался, тем явственней ему казалось, что некая музыка все же продолжает играть, все сильнее пробиваясь сквозь шум разговоров. Авария системы усилителей? Но репродукторы находятся с той стороны, и я должен —

Девушка вскрикнула, Адам обернулся к ней, и нечто с огромной силой ударило его в грудь. Он перелетел через лавку, врезался затылком в ствол дуба. Выбитый из легких воздух вылетел сквозь стиснутую гортань, он услышал этот хриплый присвист.

Над ним, в ореолах красноватой тьмы, взорвались картинки:

Анжелика вскакивает на лавку, тянется к чему-то обеими руками.

Поток огня, направленный прямо ему в лицо.

Черная ладонь, красный глаз.

Туман заволок все.

Ему снова снился космос. Вместе со сном пришла невесомость. Словно он физически вырвался из плена гравитации — затуманенный взгляд, горячая голова, шум крови. Искусственно свежий воздух в легких. Адам выпрямил руку и до чего-то дотронулся. Ощутил под пальцами металл и понял, что сам он — не в скафандре. Потянулся к тому, за что зацепился. Вернулось зрение. Большая тьма, горизонтальный пояс звезд. Экран или окно; скорее — экран. Звезды двигались влево. Он осмотрел помещение и заметил невыразительные пятна угловатых предметов — кресла? пульта? Внезапно из-под них выстрелили тени: на экран выходила кривизна планеты. Прежде чем внезапный рывок вновь сбросил его на дно гравитационного колодца, он успел еще рассмотреть поверхность шара. Это была не Земля — это вообще не было ни одно из детей Солнца.

— Господин Замойский! Господин Замойский!..

Он сел и вырвался из рук, что его трясли.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил доктор Сойден.

Замойский кивнул.

— Как ваше имя?

— Замойский, Адам. Который час?

— Вы были без сознания девять часов.

— Проклятие! Что случилось?

— Вы опрокинулись и ударились головой о дерево. Превосходная шишка. Не нужно было столько пить.

Замойский пощупал у себя на затылке. И вправду, дородный шишак.

Он лежал в своей комнате, в западном крыле замка. Встал с софы и подошел к окну.

Оттуда, с высокого первого этажа, видел две трети газона. Уже горели лампы, созвездия разноцветных шаров света, отгоняющих вечерний сумрак за прямоугольную площадку зелени, — а там все еще продолжалось веселье. Музыка долетала даже сквозь закрытые окна. На террасе, в легкой дымке теней, двигались танцующие пары.

Скрипнула дверь. Замойский оглянулся: это вошла Нина.

Вошла, взглянула на доктора Сойдена, на Адама, вздохнула с облегчением.

— А я уже боялась, что сотрясение мозга или что похуже, — сказала она, подходя.

— Лучше всего, если бы мы считали этого негодника, пользы было бы больше, — пробормотал доктор, обращаясь к Нине. — Если так пойдет и дальше, мне придется написать его наново. Скажи Джудасу, чтобы наконец вынул его из тела и вложил в словинское Чистилище, через два часа дам ему миллион выфренованных Адамов Замойских, и может среди них попадется френ более полезный, чем пьяный клоун. Что? Ну что? Зачем тебе —

Нина подошла к Замойскому — он отступил. Вытянула руку — отвел ее. Не смотрел на женщину, смотрел на Сойдена.

– Господин доктор, – начал неторопливо, обходя кресло с противоположной стороны, – господин доктор, не были бы вы столь любезны повторить, что вы, собственно, сказали?

Доктор Сойден глянул на Нину.

– Что происходит?

– Именно, Нина, – усмехнулся Замойский, – может объяснишь нам, что происходит?

Нине, похоже, совершенно не понравилась эта усмешка.

– Успокойся, Адам, я сейчас все —

Доктор Сойден смотрел на приближающегося Замойского с удивлением, которое граничило с восхищением.

– Он что же, поколотить меня собрался?

Нина со вздохом упала на обитое кожей кресло, громко скрипнула черная кожа.

– Не исключено.

– Бить меня собрался! – крикнул высоким голосом Сойден, почти радостно.

Замойский опустил взгляд на свои сжатые кулаки. Был он без пиджака, покроя белой рубахи не мог скрыть широкие плечи и крепкие руки. Сгорбившись, Адам сильно напоминал приготовившегося к атаке быка.

– Ну да. Ну да, – двигал он челюстью, пережевывая эти слова, будто камни, они почти слышали, как те скрежещут у него на зубах. – Ну да. Да. Да. Да. Ну да.

Сойден театральным жестом отер со лба пот.

– Ах, палец Божий, что-то в нашем големе заклинило, – доктор поклонился Нине. – А тебе бы лучше самой засветиться, пока Джудас тебя не ресетнул. Пойду-ка я в рыцарскую, что-нибудь съем; еле на ногах держусь, с полудня – тревога за тревогой, что за день, словинец бы не успелу...

Он вышел, продолжая что-то бормотать себе под нос.

Замойский окрутился на пятке, сделал два больших шага и навис над Ниной.

Та приподняла бровь.

– Ого.

– Говори!

Она показала ему язык.

– Я ударился головой о ствол, – начал он медленно. – Кто-то... что-то меня толкнуло; я помню. Что там произошло? Что с Анжеликой Макферсон?

– А что с ней могло бы случиться? Может тебе лучше лечь и поспать, а?

– Я девять часов спал!

– Ха-ха, если бы только девять!

– Что это за игры? Ты снова меня —

– Снова? – усмехнулась она, машинально покручивая кольцо на пальце. – Снова? Какое там «снова»? Хочешь развлечься? Да? Если уж и так тебя распахало – если уж и так мы оба окажемся на помойке и мне можно больше не гладить тебя по головке, может и правда молот окажется полезней – ну так скажи мне: кто я такая?

– Нина —

– Да?

– Нина —

– Ну и?

– Нина —

– Слушаю.

– Нина.

– Нина, Нина, Нина. Как зовут наших детей? Сына? Дочку? У нас вообще есть дети? Нет, это я твой ребенок. Так? Не так? Хотел бы меня трахнуть? – ущипнула себя за сосок через

платье, с губ не сходила усмешка, невинная, страстная, насмешливая, сочувствующая, злая, что бы ни подумал о ней Замойский – все будет правдой.

– Нина, господи боже, я —

Стена, белая стена, мягкий матрац – ударил, отскочил, ударил, отскочил, не за что уцепиться ассоциациям, он царапал воздух, кусал зубами дым, Нина, Нина, Нина, пустота и хаос.

Кто она такая? Я веду себя с этой женщиной так, словно мы знакомы уже много лет, каждое слово вызывает к памяти тысячи других слов, каждый жест – к памяти тысяч других жестов, старые знакомые на самом деле никогда не разговаривают друг с другом, только с аккумулярованными воспоминаниями своих прошлых разговоров – с кем я говорю сейчас? Кто она такая? Как я с ней познакомился? Где я с ней познакомился? Привез ее к Макферсону с собой, прилетела она с делегацией «ТранксПола», или сама? Откуда она вообще взялась? Она не полька, мы разговариваем по-английски. Этот акцент... Американка? Я даже не знаю ее национальности! Боже милостивый, хоть что-то, голос, образ – самые поверхностные воспоминания из нашего прошлого – нету, нету, нету. Память о Нине глубиной всего в несколько дней. Несколько дней, время моего визита к Макферсону.

– Прошу прощения...

Отчаявшийся – она наверняка не могла не видеть это отчаяние, – он потянулся к ней раскрытой ладонью, словно прикосновение могло вытащить на поверхность сознания то, чего не вынуть словами. Женщина ждала прикосновения с пассивностью домашнего животного, цветка, мебели. Он вздрогнул, отступил. Она не двигалась. Дышит ли она вообще? Замойский сомневался. Что-то пульсировало на затылке теплой болью, верно, я ведь ударился головой, такое случается...

Она смотрела на него с лицом, лишенным всяческого выражения, будто с лицом куклы – или трупа.

Он вышел из комнаты.

Услышал, как она поднялась и пошла следом. Заставил себя не оглядываться.

Длинный коридор вел из западного крыла к центральной галерее, та подковой загибалась над просторным главным холлом замка. Пол холла был чуть ниже уровня земли.

Замойский хорошо знал расположение помещений первого этажа. Знал, что за теми дверьми, скрытыми под галереей на противоположной стороне подковы, что отворились с резким скрипом, едва Адам вышел из коридора, – что за ними начиналась лестница, ведущая к закрытым для гостей подвалам Фарстона. Остальная часть замка, кроме восточного крыла и пятого этажа, оставалась доступной для всех, и Замойский успел исследовать ее довольно подробно. Был это весьма красивый замок, памятник, наполненный другими памятниками, все – в прекрасной сохранности. Неудивительно, что Джудас так горд этим замком, что приглашает своих партнеров по делам именно сюда. Здание, несомненно, производит впечатление, давит на подсознательном уровне, все эти портреты предков, инкунабулы в вакуумных витринах, средневековые доспехи над каминами – огромными, словно врата соборов. Во время ужина здесь зажигали свечи в высоких канделябрах. Слуги носили ливреи в фамильных цветах Макферсонов...

В дверях к подвальной лестнице появился Джудас Макферсон. Миллиардер вошел в холл и взглянул на распахнутые настежь деревянные ворота, из которых вглубь затененного холла били разноцветные огни и плыли волны звуков: музыка, смешанные голоса людей, смех и окрики, шум деревьев, овеваемых вечерним ветром.

Взглянув, Макферсон громко выругался. Выругавшись, несколько раз подпрыгнул на одной ноге, дотронулся выпрямленным пальцем до носа, колена, второго колена, куснул себя за тот палец, после чего сделал три быстрых сальто, остановился в полуприсяде, сжал правую ладонь в кулак и с размаху ударил ею в мозаичный пол холла. Раз, другой. Снова выругался,

скривившись от боли. Встал, пошатнулся. Его левое плечо подрагивало в неритмичных конвульсиях.

Замойский наблюдал за этим в немом удивлении. Нина остановилась за его спиной, он чувствовал на затылке ее теплое дыхание.

Джудас Макферсон безумствовал в холле. Фрак, жилетка, исподнее – измяты, грязны, в двух-трех местах уже порваны, на спине длинная черная полоса... А Макферсон безумствует дальше.

Теперь вот пытается ходить на руках.

Джудас Макферсон, думал Замойский. Председатель холдинговой верфи, магнат военной промышленности... Адам помнил, как Макферсон приветствовал его в Фарстоне сразу после прилета Замойского из Варшавы, приветствовал всю переговорную группу из Транкс-Пола с Яксой во главе: быстрое сильное пожатие руки, взгляд в глаза. А теперь – паяц.

Кстати, что с ними – с Плетинским, с Яксой? Это весьма мило со стороны Макферсона, что пригласил нас на свадьбу собственной дочери, но самое время подписать условия... Совет на нас в суд подаст, если этот пакистанско-словацкий консорциум первым подпишет бумаги...

Джудас ходил по холлу на руках – туда-назад; от каменных стен отталкивался согнутыми в коленях ногами.

Через холл прошли трое кельнеров – ни один даже не моргнул. Обошли миллиардера, умело балансируя подносами.

– Пойдем-пойдем, – шептала Нина. – Ну пойдем. Не нужно попадаться им на глаза. Сейчас уснем. Сейчас конец. Все, уже все, спокойно. Пойдем, Адам, вернемся в лоно, все начнется сызнова. Снова меня полюбишь. Или нет. Снова искренне и навсегда.

Снаружи наплывала теплая ночь и целительная музыка.

Адам гневно тряхнул головой. Сгорбленный, с напряженными мышцами шеи и плеч, стиснув ладонями перила, – выглядел так, словно готов был разломать эти деревянные поручни голыми руками. Он покраснел, челюсть ритмично ходила, словно Замойский пережевывал молчание. Каменное молчание, единственную защиту перед быстро приближающимся безумием.

В дверях, из которых вышел Макферсон, появилась фигура высокого мужчины. Опершись о косяк, он поглядывал на Джудаса.

Который, для разнообразия, принялся развязывать и завязывать шнурки своих штиблет, раз, второй, третий, пятый, все быстрее, меняя ногу, а в конце пользуясь только одной рукой.

Замойский сильнее стиснул кулаки, фаланги его пальцев обрисовывались под натянутой кожей. Женщина его беспамятства тянула за рукав. Клинический сюрреализм ситуации заставлял кожу покрываться мурашками, волосы – вставать дыбом на затылке, гнал по хребту волны холода. Не хватало дыхания. Кто-то вогнал снизу в легкие Замойского трубки вакуумной помпы и теперь включил машину на полную мощность.

Шотландский аристократ по крови и деньгам, отправляющий на его глазах ритуалы чокнутого, в элегантном фраке и с невозмутимой серьезностью на лице – ну, это уж чересчур. Или этого нет на самом деле, или —

– Господин Адам, могу я пригласить вас перемолвиться словечком? – крикнул Джудас, перебарывая легкую одышку.

Замойский выпрямился, отпустил поручень. Нина поспешно отступила от него, прячась в тень.

Уже спускаясь в холл, он оглянулся – лишь теперь – и перехватил ее взгляд: грустный, слегка усталый.

Сразу под галереей, рядом с центральной лестницей, находился красно-черный барельеф с гербом рода Макферсонов: дракон на ней был красным, камень – черным. Под ним – девиз рода. *Unguibus et rostro*. Когтями и клювом.

Джудас ударил себя кулаками в грудь, сделал несколько быстрых вдохов. Снял фрак и швырнул его высокому мужчине, что стоял в дверях подвала. Замойский только сейчас разглядел его лицо и узнал – это был какой-то ассистент миллиардера.

Макферсон кивнул Замойскому.

– Пройдемся? – спросил неторопливо.

Не дожидаясь ответа, широко замахал руками, схватил Адама под правый локоть и повел на террасу.

Они миновали несколько сонно танцующих пар и свернули к юго-восточному углу; остановились лишь около каменной балюстрады.

Перед ними раскинулась свадебная площадь, наполненная дрожащими тенями, освещенная шарами мягкого света, заслоняемыми движущимися и неподвижными абрисами людей и предметов. Музыка плыла вместе с холодным воздухом, в котором все сильнее разливался запах озера, быстро отдающего тепло; однако самого озера отсюда они не видели.

Замойский вздохнул поглубже и ощутил, как оживает его тело, как проходит по нервам дрожь, отряхивая ржавчину. Даже холодный камень балюстрады под подушечками пальцев – теперь куда каменней, куда холодней. Так мир становится реальней: скачками в интенсивности ощущений.

Макферсон не отпустил Адама. Взгляд с расстояния в двадцать – тридцать сантиметров был словно выстрел в лоб – эти глаза, эти слегка искривленные губы, несколько глубоких морщин, все подчеркнуто резкой тушью отвердевающего тумана... это, несомненно, снова был тот придавливающий самым своим присутствием Джудас Макферсон, пред которым делался покорным даже Якса – взглядом, мимикой, жестом.

У Замойского были наготове вопросы, дюжина вопросов – словно коллекция отточенных ножей, но теперь, но с рукой Джудаса под своим локтем – полная беспомощность.

Джудас же бил прямо в лоб моргенштерном, бац, бац, бац.

– Видите ли, господин Замойский, на самом деле мы все вас обманывали. Увы, дольше уже не можем. У вас в голове такая аппаратура, такая контрольная сеть на мозге, и благодаря ей мы могли фильтровать раздражители, доходившие до вас. Но во время этого покушения случилось, м-м, прошу представить себе это как короткое замыкание, отказ программ машины. Конечно, я упрощаю; это слова, которые вы поймете. Что я теперь мог бы сделать. Мог бы приказать Сойдену, чтобы тот опробовал на вас программы грубой очистки памяти, поскольку уже слишком многое вы слышали и увидели; а то и вообще списать это тело в потери и считать вас по новой. Так или иначе, но оба эти выхода прервали бы нынешнюю линию вашей тождественности, ваш френ, а мне хотелось бы этого избежать. Я получил, м-м, представьте это как предсказание с высокой степенью достоверности – и оно убеждает меня, что вам суждено сыграть определенную роль, достаточно важную. Вы многое можете получить. Узнаете, насколько много. Между тем, я хотел бы попросить у вас прощения. Я поступал так, как мне казалось наиболее хорошо. Прошу меня простить.

Говоря все это – а говорил он глубоким, тонированным до полупшепота голосом, – Джудас продолжал проделывать короткие быстрые движения: ладонями, головой, плечами, стопами. Разогрев боксера перед боем, электронная дрожь поврежденного автомата. Это отвлекало Замойского.

– Сэр, вы хорошо себя чувствуете? – спросил он.

Макферсон выпустил локоть Замойского, несколько отступил и пробормотал:

– Я только что вошел. Не лег еще лучшим образом.

– Вы снова измазали спину.

– Да? Проклятие.

Адам взглянул над плечом Джудаса и в парадных дверях замка увидел высокую фигуру ассистента. Тот держал в руке фрак Джудаса. Замойский кивнул на него. Макферсон обер-

нул. словно по сигналу к нему подошла светловолосая женщина в платье с глубоким декольте (красивая грудь, бриллиантовое кольцо). Лицо ее дрожало в спазмах ярости, зеленые глаза были полны слез.

– Сукин сын, – прошептала и воткнула Макферсону в глаз распрямленный палец.

Движение было настолько безумно быстрым, что Замойский сумел прийти в себя только при виде бессильно падающего Джудаса – тот рухнул на колени, к ногам женщины, палец вошел по последний сустав, теперь она дергала руку, как безумная, крови было очень немного, почти совсем не было.

Замойский крутанулся на левой пятке и отвесил ей тяжелый полукрюк в подбородок. Услышал, как ломаются ее зубы. Она упала на террасу рядом с Джудасом.

Адам, шипя сквозь широко растянутые губы, тряс ушибленной правой рукой.

Поднял взгляд. Ближайшие танцоры находились ровно на середине террасы и вероятней всего даже не заметили, что произошло.

Наверняка все видел секретарь с фраком.

Он подошел, меланхолически выругался. Была у него коротко подстриженная борода и усы, темно-рыжие.

– Патрик Георг, – протянул ладонь Адаму. – Макферсон.

Замойский пожал ее над телами женщины и Джудаса своей левой рукой.

– Наверное, вам стоит позвонить в полицию.

Патрик Георг взглянул влево от Адама. Там закружилась цветная пыль. Пыль сгустилась в низкого азиата, одетого в ослепительно белые одежды.

– Ну? – рявкнул на него Патрик Георг.

– Император выражает глубочайшие соболезнования, – азиат поклонился, почти встав на колени.

– Император может надеяться на быстрое переформатирование, – процедил Патрик Георг.

– Император признает свою ошибку.

– Император сознательно не исполнил свои обязательства.

– Император укроет стахса Джудаса Макферсона в своей ладони.

– Несколько поздно.вато.

– Император приглашает в Дом. Теряем время.

– Император гарантирует, что никто не преступит Первую Традицию. Никаких осмосов, посредническая манифестация – самый узкий и наиболее защищенный канал. Фиксируй протокол во всем Фарстоне. От своего имени извинись перед словинцами.

Азиат повторно поклонился, после чего взорвался облаком серой пыли, которая тут же развеялась в вечернем воздухе.

Замойский демонстративно закашлялся, замахал здоровой рукой.

– Ну, да. Я, значит, теперь... Позвольте.

Обошел далеко стороной лежащие на полу террасы тела и стоящего над ними в дурацкой позе, с фраком в протянутой руке, Патрика Георга Макферсона и по широкой лестнице спустился на газон.

С подноса проходившего мимо кельнера он ухватил по очереди два бокала. В одном – алкоголь; во втором – вода. Выпил оба. Двинулся провокативно твердым шагом меж тенью и светом. Не был пьян. Был пугающе, неправдоподобно, непривычно трезв.

Он шел все еще совершенно бесцельно. Наконец, добрался до границы парка и здесь остановился – ибо здесь она была, какая-то граница. Как автомат, что наткнулся на непредвиденное программой препятствие.

Вспомнил лавку и Анжелику, и ее взгляд сразу перед тем, как его ударило в грудь. Что-то его ударило – там ничего/никого не было, и все же удар отбросил его, словно куклу, перекинул

через лавку, швырнул в дерево. Это он помнил. И взгляд Анны, сияние ее темных глаз, как глядела на него, с удивлением, жалостью и раздражением – в то время как он должен был видеть там страх и гнев...

Замойский стоял в пахучей тьме древних деревьев и смотрел. Сотни свадебных гостей, десятки слуг. Смотрел – и теперь видел.

Ни одной камеры, ни одного фотоаппарата.

Никто не разговаривает по телефону.

Никаких телохранителей, никакой, пусть самой незаметной, охраны.

Нет стариков, нет ни одного человека, о котором можно было бы сказать, что тот вышел из среднего возраста; время никого не угнетало.

Джудаса и убийцу вносят внутрь замка, совершенно не скрываясь – кто-то подбежит? крикнет? начнет истерить? Да куда там.

Невеста проходит подле террасы – видит останки отца, но что делает? Вздыхает, поднимает глаза к небу и идет себе дальше.

Замойский стоял, широко расставив ноги, тяжелой ладонью массировал мощный затылок.

Напиться. Не поможет. Спросить. Но о чем? Кого? Якса, где Якса? Почему его нет на свадьбе? Должен же быть. Это ведь он должен заговаривать зубы Макферсону, контракт – его дитя, я здесь – только представительский довесок. Я должен еще подогнуть Лукасевича, президент намылит нам холки, если —

Моя память.

Он оперся спиной о ствол. Оперся и головой, это подняло его взгляд над стенами Фарстона. Воздушный шар был уже просто шершавой кляксой тьмы на фоне темного фиолета неба. Солнце зашло, и тени утратили чувство направления. Замойский был уверен, что небо безоблачно, но все же не видел ни одной звезды. Ах, нет, одна есть – шар то заслоняет, то вновь открывает ее – Венера, но ведь это тоже не звезда.

Следя за очередным ее затемнением, он похлопал себя по карманам в поисках телефона. Проверил также воротник пиджака, рубахи, манжеты. Нигде.

Шаги. Он не опустил взгляд от небосклона.

– Да прими уже решение.

Этот голос – голос Нины.

– Кто ты? – прохрипел он.

Она прижалась к нему. Пальцы на щеках, пальцы на губах, медленно, ласково считывала она Брайль его лица.

– Я всегда тебя любила.

Тогда он уступил: закрыл глаза, опустил голову. Обнял Нину, больной правой рукой искал ключицу, шею, так всегда считывал настроение женщин: по пульсации их крови, по напряжению мышц, по запаху кожи. Погрузился в ее волосы, втянул воздух.

Ее тело не выделяло никакого запаха.

– У меня в голове электронный фильтр? – спросил он спокойно.

– Уже нет.

– Ты не человек.

– Не человек.

– Почему я не вижу звезд?

(Все еще шепотом в ее волосы.)

– Потому что их там нет.

– Почему я не вижу звезд?

– Ш-ш-ш.

– Почему я не вижу звезд?

- Мы находимся на Земле, здесь только одна звезда – Солнце.
- Но свет, почему свет не доходит, с Млечного Пути, с других галактик?
- Здесь нет Млечного Пути, нет других галактик.
- Где: здесь?
- В Сол-Порту.
- А он? – (Слова в горячем дыхании прямо ей в ухо.) – Этот Порт?
- Все узнаешь, стахс Макферсон получил известие из Колодца, ты будешь ему необходим.
- Макферсон мертв. Она проковыряла ему мозг, – захихикал. – Исключительно длинные

у нее были ногти.

– Стахс Джудас Макферсон жив. Он уже отдал соответствующие распоряжения по твоему делу. Он привык к покушениям, и у него множество подготовленных тел.

Адам слушал, кивал:

- А ты?
- У меня нет тела.
- И ты всегда меня любила, да?
- Да.
- Кто ты такая?
- Я – именно это.
- Тебя тоже нельзя убить.
- Нет.

Он сжал руку на ее шее.

– Не хочу тебя больше видеть! Уходи! – оттолкнул ее. – Уходи! Никогда больше!

Не потеряв равновесия, она повернулась и двинулась к замку. Не оглядывалась. Не сбилась с шага. Никакой дезориентации в движениях.

Быстро исчезла между гостями.

Это правда – он видел это – видел это теперь ясно – не была она человеком.

Замойский сидел на земле, все под тем же деревом, когда к нему подошел тот мужчина, что с утра расспрашивал его о жонглировании и карьере астронавта.

Замойский тем временем успел прийти к двум выводам – и оба были для него совершенно неопровержимы. Во-первых, с его головой что-то не так; во-вторых, где-то между Варшавой и Шотландией, где-то над Северным морем – Замойский вошел в НФ-фильм.

Это очевидно, что он сходит с ума: дыры зияют в памяти подобно бомбовым воронкам, Нина например – настоящая Хиросима.

Но настолько же несомненно, что он окружен скрытой под поверхностью мира изобретательной машинерией F/X. Бух! Безропотный азиат из ничто в ничто. Бух! бух! бух! Он видел собственными глазами, это было реальным, словно зубная боль, пинок в щиколотку, он и не думал сомневаться в своем восприятии; это не чувства подводили.

Элегантный блондин отделился от людного полумрака, вырывая Замойского из этой депрессивной спирали.

– Фозбэ Максимилиан де ля Рош, – представился он и присел рядом. Даже сидя на земле, между шершавыми корнями вяза, сохранял ауру элегантного пренебрежения. – Наверняка вы задумываетесь над причиной покушения.

– Ну, – пробормотал Замойский, – по крайней мере, оно не удалось, и Макферсон якобы жив. У вас, может, есть телефон?

Он не оглядывался на де ля Роша. Посторонний наблюдатель легко мог принять их за старинных приятелей: сидели плечом к плечу и лениво поглядывали на проплывающих в мелких тенях свадебных гостей.

– Я говорил о покушении на вас, – пояснил Максимилиан. – Я хотел бы предложить вам правовую и политическую помощь, как собственную, так и всех Горизонталистов. Без всяких обязательств. Мы были бы весьма... Стахс.

Каким-то чудом он сумел поклониться Анжелике, не вставая.

Та подошла к ним сбоку, из-за ствола, Адам сперва услышал шелест платья, потом почувствовал запах ее духов (жасмин).

Анжелика окинула де ля Роша холодным взглядом. Адаму же, напротив, улыбнулась тепло.

Без слова и безо всякого колебания склонилась, схватила его за руку и энергичным рывком воздвигла вертикально. Он рефлекторно принял участие в пантомиме, симулировал бессилие тела, отерся спиной о кору.

Не имел представления, отчего он так легко поддался навязанному девушкой настроению. Теперь улыбались оба, он – кривой, иронической ухмылкой из-под усов.

Она отпустила руку Адама. Склонившись теперь над де ля Рошем, легонько пнула его в голень.

– Извини, фозбэ. Господин Замойский мой близкий знакомый. И мы должны обговорить определенные, не терпящие отлагательств дела.

Де ля Рош встал, повторно поклонился и отошел, так и не сказав ни слова.

– Правда? – пробормотал Адам и глянул искоса на Анжелику. – Я ваш близкий знакомый? Рад это узнать. А какие же дела —

Она потянула его за локоть. Это у них родственное, подумал он, у Макферсонов.

– Теперь ты будешь проводить со мной больше времени, – сказала она, ведя его вглубь парка; деревья росли здесь густо, свет и музыка вязли в них. – Узнаем друг друга достаточно хорошо.

– М-м, надеюсь, что приятно будет не только мне, но куда, собственно, я должен бы —

– Ко мне. В Африку.

Глава 2. Пурмагезе

ВРЕМЯ АБСОЛЮТНОЕ (ВРЕМЯ БЕЗОТНОСИТЕЛЬНОЕ)

Следствие крафтового обобщения Теории Относительности. Так называемое «а-время».

Поскольку Время Словинского не зависит ни от положения наблюдателя в Эн-Порту, ни от его скорости, а Время Транса – постоянная, можно установить безотносительную разницу скорости течения времени на Плато (в инклюзии Словинского) и в другой произвольной инклюзии. Эта стандартизированная мера называется «а-временем».

Однако полная раздельность двух произвольных инклюзий делает невозможным сведение их к единому уравнению для любого надпланковского предела времени. А-скорости не описывают скорость системы относительно Плато (инклюзии Словинского) в каком бы то ни было смысле.

См. также: Порт-время (время данного Порта), к-время (время космоса, в единицах которого описывают традиционное Абсолютное Время).

«Мультитезаурус» (субкод HS)

В Пурмагезе шел обильный ливень, когда на надатлантическом аэродроме монастыря приземлился самолет «Гнозис Инк.», с Анжеликой Макферсон и Адамом Замойским на борту.

Дождь лил почти горизонтально; едва Анжелика встала в дверях реактивного самолета, как получила мокрой метлой по глазам. Перед отлетом из Фарстона она переделалась в наряд, более подходящий для путешествий: джинсы, боты с высокой шнуровкой, черный гольф. Впрочем, в этом она и чувствовала себя лучше всего, школа отца Френета впечатала в нее органическое презрение к любой чрезмерной роскоши. И теперь, несмотря на надетую кожаную куртку, ее сотряс ломящий кости холод африканской ночи.

Дом, подумала она, сходя к джипу, дом. На взгорье, над пальмовой рощей, что охватывала с востока единственную полосу аэродрома, громоздился квадратными террасами черный массив монастыря Пурмагезе. По конфигурации огней на высокой плоскости его стен она сумела бы сказать, кто уже спит, кто нет.

Готэс махнул ей из-за руля. Она крикнула Замойскому и сбегала к джипу. Негр, увидев Адама, оскалился Анжелике кривыми зубами. Та выругалась на его наречии.

Едва двинулись, Замойский принялся ронять с заднего сидения иронические замечания о совершенно непостижимой для него технической рафинированности раздолбанного вездехода.

Он все еще сердился на Анжелику. Понимал, что чувство это совершенно иррационально – но этого было мало, чтобы с ним совладать.

Их разговор в самолете... Не запомнил ни слова – но как тавруют раскаленным железом скот, так и она выжгла ему в голове клеймо подчинения: и ничем он теперь от скота не отличался.

– Ты воскрешен из останков, найденных на борту «Волщана» трезубцем отца, – сказала она с самого начала. – Добавь себе шестьсот лет.

– Сколько?

– Шестьсот. С гаком.

– Значит теперь —

– Двадцать девятый век. 2865 AD, 521 PAT.

– Как-как?

– *Plateau Absolute Time*¹ отсчитывается с момента открафтирования людьми первого Плато. Переводя на к-годы дает это год пятьсот двадцать первый, хотя РАТ тактирует в а-планках и —

– Ясно, ясно, ясно.

Он выглянул в иллюминатор на темное море, над которым самолет кропотливо возносился от побережья Шотландии. Адам отворачивал голову, чтобы Анжелика не смогла рассмотреть выражения его лица. Сам понятия не имел, какие чувства на нем отпечатываются; подозревал худшее.

Конечно же, соблазнительно было сыграть в циничного маловера – взорваться хохотом, высмеять, иронически скривиться; это – оборонительные механизмы здорового сознания. Но он верил Анжелике, верил почти органически: мурашками по коже, судорогами желудка, желчью на губах.

Он смотрел в темное небо:

– Почему не видно звезд?

– А-а, ну да. М-м. Я не слишком много понимаю в крафте, а у тебя, кажется, были какие-то курсы по естественным наукам...

Она подняла со столика хлопчатую салфетку, взмахнула нею перед носом Замойского; ему пришлось оторваться от вида за окном.

– Двумерное упрощение пространства-времени.

– Эта вот салфетка.

– Да. Теперь, – она сложила материю в пустой мешочек, – прогибаем ее «внутри». С момента закрытия – для внешнего мира этого места не существует. Две отдельные системы. Они не имеют даже границ, как ни прикидывай, изнутри или снаружи. Свету звезд никак не добраться внутрь, он продолжает бежать по своим гравитационным траекториям, огибая возникший таким образом Порт. А изнутри также не вылетает свет Солнца: нет никакого окна, устья, соединения с тем, что снаружи. Разве что мы откроем Порт специально.

Он снова взглянул в темноту.

– Отчего же вообще царит ночь?

– М-м?

– Если уж солнечные лучи не могут покинуть этого места – не могут пробить салфетку...

– Раньше или позже мы бы сварились, да. Но – разве что через миллионы лет... Ты на эдаких подробностях меня поймаешь, лучше я сразу признаюсь. Знаю, что существует внешний сброс энергии, Клыки дренажируют ее сквозь крафтхол, пополняя свои запасы.

– Клыки?

– Обычно имеют вид конусов, таков стандарт: сто двадцать метров диаметра у основания, четыреста в длину. Базовые инструменты крафтинга. Нужно три штуки, чтобы завить и удерживать Порт; Клыки остаются «снаружи», единое пространство между ними «сжимается». Сол-Порт удерживается несколькими тысячами Клыков. Хватило бы, пожалуй, двадцати-тридцати, но – все для чувства безопасности, сам понимаешь.

Он прижался виском к холодному металлу. Они вышли на нужную высоту, самолет двигался прямым курсом. Действительно ли они летят на юг? Никаких огней в небе, никаких огней на земле, на море. Висят в темноте.

– Я догадываюсь, что этот Сол-Порт охватывает всю Солнечную систему.

– Да. Вместе с облаком Оорта, всем мусором.

– И где же мы находимся сейчас на самом деле?

– Насколько помню, проходим сквозь ядро Млечного Пути к Второму Рукаву.

– Быстро?

---

¹ Плато абсолютного времени (англ.).

– Без понятия. С необходимой скоростью.

– Зачем вообще?

– Для безопасности.

Наконец он взглянул ей в глаза. Она не улыбалась, и это прибавило ему мужества.

Осмотрелся внутри просторной кабины.

– Облицовка. Кресла. Деревянная мебель, – указывал вытянутой рукой. – Стаканы... стеклянные. Вон монитор, ЖК, технология устаревшая даже для меня. Лампы накаливания. О, телефон. Хотя в Фарстоне я не видел. Да и Фарстон тоже... Это что, некий этнографический музей? Или те фильтры в моем мозгу все еще действуют? Отчего я везде здесь вижу двадцать первый век?

Чтобы подчеркнуть, он похлопал по подлокотнику кресла, словно только прикосновение и могло доказать реальность окружения.

Анжелика пожала плечами.

– Мы ведь на Земле, чего же ты ожидал?

– Прогресса. Прогресса в каждой детали. Может это обман моей памяти, но тот английский – это классический английский времен моей молодости!

– И что же?

– Шесть веков – это ведь настоящая бездна!

– Это и есть бездна. Но нас обязывают определенные договоренности. Мы живем в Цивилизации, – тут она вздохнула. – Расскажу тебе. Что хочешь знать?

– Зачем ты забрала меня со свадьбы? Так внезапно. Слово мне что-то угрожало. Эти покушения... Де ля Рош говорил, что оно было и на меня. Поэтому? Чтобы меня спрятать? Кто хочет меня убить? Кто? Зачем?

– Да, ля Рош... – заинтересовалась Анжелика. – Что еще говорил?

– Предлагал мне юридическую помощь.

– А это уже интересно, – Анжелика поджала губы, глянула на потолок. – Фозбэ Максимилиан не упустит возможности. Так или иначе, но именно он стоял за одним из тех убийств, руку дам на отсечение.

Убийств. Замойский поморщился, склонился вперед, принялся громко щелкать суставами пальцев.

– Что это вообще значит, – забормотал он, – эти выражения, слова вежливости или что, фозбэ, стахс, ооска, слышу их уже несколько часов, искусственные включения в нормальный в остальном язык...

– Как оно там было, погоди, сложилось века назад... О! *Post-Human Being, Standard Homo Sapiens* и *Out-of – Space Computer*².

– И он, значит, постчеловеческое существо, а ты – тот самый стандартный Хомо сапиенс.

Она благодушно похлопала по его сцепленным до боли в суставах рукам.

– Не переживай так, в конце концов, ты даже, быть может, получишь гражданство.

Лишь через минуту он понял. Поднял яростный взгляд на Анну. Та улыбалась утешающе. Если бы он стиснул кулаки еще сильнее – на них бы кожа лопнула.

Именно так-то Адам Замойский узнал, что он предмет, собственность Макферсонов. Им владеют.

Однако устаешь даже от ярости: когда они покинули аэродром Пурмагезе, он впал в мрачное молчание. Старый негр косился на него в зеркальце заднего вида, все так же ослабившись. Вокруг джипа вода лупила кнутами в твердую землю.

---

² Постчеловеческое существо, Стандартный человек разумный, Внекосмический компьютер (англ.).

Они въехали на подворье монастыря, Замойский выглянул в окно и увидел большой каменный колодец. Взглянул вверх: дождь падал из туч прямо на него, словно из пасти гигантской фузеи, убыстренный спиралями подвижных теней.

Анжелика побежала к дверям в глухой стене. Он вылез и направился следом. Входя в сухое помещение, слышал, как отъезжает джип: машина взрывалась, пробуксовывая.

Стены даже внутри были холодными, темными от многовекового мрака, что проступал масляной росой на голых камнях.

Анжелика навязала темп почти маршевый, Замойский не собирался ни о чем спрашивать, пришлось бы тогда обращаться к ней из-за спины; он рта не открывает.

Монастырь, пусть бы при взгляде с аэродрома он и маячил на горизонте монументальной глыбой, на самом деле был спроектирован с большим уважением к пространству: коридоры, которыми они шли, были ровно такой ширины, чтобы двоим легко в них разминуться – и ни на палец шире. Никаких огромных залов, просторных холлов, монструозных лестниц Замойский не увидел. Никаких украшений, роскошного декора: камень, камень, камень, изредка дерево. Освещение на границе полумрака: сочащиеся желчью лампочки, скрытые в изгибах потолка. Кабели, тонкие, в поблекшей изоляции, ползли в щелях между камнями, закрепленные железными крюками.

Единожды они встретили мужчину с монголоидными чертами, в грязном свитере, в штанах из-под комбинезона и сандалиях. Анжелика обменялась с ним несколькими фразами на латыни. Тот кивнул Адаму. Потом ушел своей дорогой, не оглянувшись.

Они шли и шли, глубокими кишками здания, и Замойский, отрезанный глухими плоскостями гранита от влажной ночи, окончательно запутался. На сколько этажей они уже поднялись? Сколько раз повернули, сколько сотен метров прошли?

Внезапно Анжелика остановилась, отворила дверь слева и с изысканным полупоклоном указала в открывшуюся полутьму:

– Твоя келья.

Он сделал вид, что заглядывает.

– Выпись, – посоветовала Макферсон. – Завтра еще поговорим.

Он воткнул руки в карманы.

– Узник?

– В смысле?

– Ну, узник или нет!..

Усталым движением она откинула со лба черные волосы. Жест очаровал Замойского, но он придавил в себе это чувство.

Анжелика со вздохом качнула полуотворенную дверь. Та заскрипела так, что эхо пошло по всему монастырю.

– Узник? – зевнула. – А ты что же, заключен куда-то? В какое такое узилище? В монастырь? Нет. В Пурмагезе? А куда тебе отсюда идти? В Сол-Порт? Наверняка, ведь ты не настолько богат, чтобы его покинуть. В галактику, во вселенную? Не в большей мере, чем остальные. В свое тело, в свое сознание? Освободись, если сумеешь, если захочешь именно этого. Но – обязательно ли сегодня ночью? Иди спать.

Уже раздеваясь, чтобы искупаться, она вспомнила его взгляд. Униженный, он чувствует себя униженным. Жаль. Я ведь сейчас наверняка воплощаю для него жестокость судьбы. Анжелика погрузилась в горячую воду. Но выбора у нее, собственно, не было. Могла ли отказать отцу? Теоретически – да. Но практически... Она не могла себе вообразить другого поведения в тот момент. Он едва-едва вышел из сборника, вытирали его толстыми полотенцами. Катакомбы Фарстона уходили на три этажа под землю; подвальные склады пустышек хорошо охранялись. Анжелику туда провел прим однуё из неосвобожденных фозбэ «Гнозиса», Аркан Меттил.

Он тогда стоял позади нее, в дверях ярко освещенного зала – перед ней же тряслось в руках медицинской многоманифестационной программы новое тело Джудаса Макферсона.

– И каков интервал твоих архиваций? – спросила она сухо, сложив руки на груди.

– Четверррть чассса. У меня одно-но-направленная прррррив-в-в... соединение, – выда-
вил из себя Джудас. – Од, но, но, вре, временно было напад-д-дение на... на По-о-о-ля архихи-
хи-виз...

– Кто?

– Не з-з-з-знаю... Слепым алг-г-горитм-м-мом. Бэ-бэ-бэ-бэ-бэ-бэ-бэкапился на темных Полях. Внеплат-т-т-товский тр-р-рансссс.

– Она должна была иметь какой-то триггер, та программа, должна была настраиваться на знак. Ты ведь не веришь в случайную синхронизацию.

– Конечно нет. Н-н-н-но...

– Пожрал свой хвост. Да. Та женщина?

– Одержимая, дан, ян, кан...

– Скан?

– Арка-а-ан тебе скажет. Я ны-ны-нынчччче невнятен. Ты же сссссслышишь...

Он вырвался из рук манифестаций медика, начал подпрыгивать, размахивая руками. Ненадолго замолчал, лишь двигал челюстью, вертел языком, глубоко дышал. Дважды свалился, конечности ударили в пол с мокрым шмяканьем. Напоминал лягушку с приложенными к мышцам электродами.

Анжелика мимоходом загордилась, что такое сравнение вообще пришло ей в голову.

Сидя потом на полу, он говорил дочери уже куда отчетливей. Она подошла, присела с ним рядом, на корточки. Рассматривала его вблизи. Видела, как он страдает, стараясь овладеть телом, в чей мозг он едва-едва был впечатан. Неловко повернулся, помогая себе локтем, – рыба, выброшенная на берег, бьющая плавниками о землю.

Анжелика принялась массировать мышцы его спины. Кожа была горячей, влажной, липкой.

Говорил он все тише; обязывал протокол, а манифестация медика и Меттилу слышать его не могли.

– Полулучилучили мы из нашего Колодца весть о войне, – он сражался с гортанью и языком, постепенно добиваясь от них послушания. – Датируется плюс-семье-де-десять. Как причина – назвававан этот Замойский. Несколько сотен бит, ничего конкретного. Император утверждает, что первое покушение на него, то есть, на Замойского, было на полном серьезе. Удалось исключительно на Плато. Потому френ остался сохранен в теле – но пр-р-ри-войка в его мозгу – обну-нулилась. Теперь все дело в том, чтобы —

Отворились двери второй камеры, и в зал ввалился трясущийся Мойтль, тоже обнаженный и мокрый.

Доктор Сойден купно с медиком пытался его удержать, но Мойтля мотало во все стороны, словно в приступе пляски святого Витта.

– Каааак...? – стонал он. – Кааак это случулучилось?

– Отсутствие ко-контакта, – ответил Джудас.

Мойтль схватился за голову.

– Иииисусе! Еще наверняка и синннттез фре-ренов!..

— Ага. Если найдешь.

– Су-су-су-су-су-ккка.

– Я и сам не сказал бы лучше.

Анжелика никогда ранее не встречала Мойтля. Он находился на пару ступеней ниже в генеалогическом древе рода, но был старше ее на несколько десятков лет. Учитывая доминирование внеклановых генов, от фенотипа Макферсонов у него осталось немного.

Он глянул на Анжелику внимательно – из-под трепещущих, словно крылья колибри век – но видимо без доступа к Плато не понял, кто перед ним. Анжелика знала, что Мойтль не принимает Первую Традицию.

Наконец энергия совершенно покинула свежевоскрешенца, тот оперся о ближайшую белковую кадку. Там до него добрался Сойден – дал пощечину, оттянул пальцами веки, заглянул в глаза, ударил кулаком в грудь: раз, другой. Мойтль зарычал, закашлялся и выхрипел на паркет кусок густой флегмы.

Меттил принеслу Джудасу одежду. Пока Джудас застегивал жилетку и надевал фрак, Мойтль пришел в себя достаточно, чтобы совладать с постимплементационной горячкой эмоций и получить относительный контроль над более сложными телесными функциями.

– Сколько? – спросил он. – Сколько?

– Почти три месяца, – ответил ему Сойден.

– Боже!..

– Беатрис как раз выходит замуж. Наверху свадьба.

– А Джу-джудас...? Почему?

– Традиционно, – сказал Джудас, опробывая свободу движений в одежде. – Помнишь, куда ты хотел по-олететь?

– Куда?

– Ты взял тройку без фиксации конечной точки. Лизинг под личные га-га-гарантии.

Мойтль покачал головой.

– Ннне знаю.

– Может, получим из Чистилища.

Джудас взял дочь под руку и отвел за сборник, в котором в медленных водоворотах мутной жидкости кружила одна из пустышек матери Анжелики. Анжелика уставилась на нее. Джудас хотел толкнуть дочку, но рука не послушалась его, потянул, они столкнулись. Анжелика отступила, непроизвольно расправила ему рубашку.

– Я не стану дренажировать Замойского, – сказал он, поправляя жилет. – Предсказания исходят из обстоя-тельств, которые нам неизвестны – возможно, именно данные, которые я получил бы из такого дренажирования его френа привели бы все в движение. Ты забереешь его в Пурмагезе, пусть само выйдет на поверхность. Ничего больше.

– В Пурмагезе?

– Да.

– Перед лицом войны?

– Ну, с войной я так и эдак ничего не по, не по, не поделаю, а убирая его с глаз, мы уменьшаем шанс, что реализуется будущее, о котором мы получили сигнал через Колодец. Кто хочет войны? Никто не хочет войны. Позволим этому угас-с-снуть, не станем подливать масла в огонь.

– Император дал гарантии?

– А ты подумай, Анжелика.

Она взглянула на отца вопросительно. Тот лишь вздернул бровь. Некоторые вещи – совершенно очевидны.

Обязывал протокол FTIP. В той степени, в которой это было вообще возможно, он страховал от опосредованного и непосредственного вмешательства Императора, цензурируя инф. Император был не в состоянии слышать их разговоры. Анжелика могла бы поспорить, что пока тот не слышал и о новом предсказании Колодца «Гнозис». Соответственно, не имел никаких причин давать гарантии Замойскому. Просьба же о таковых пошла бы именно по линии предсказания, поскольку выдвигала бы Замойского на сцену и превращала бы его в значимый элемент политических игр. Если Джудас хотел избежать войны – а он хотел, наверняка хотел, Анжелика верила этим его словам, не могла вообразить причину, по которой желал бы он уни-

чтожить Цивилизацию – тогда единственное, что ему оставалось, это убрать Замойского со сцены, затолкнуть его вглубь из первого ряда. А есть ли в Сол-Порту более отдаленная провинция, нежели Пурмагезе? По крайней мере – не на Земле.

– Я должна за ним следить? – спросила она.

– Ты должна держать его в тени. Подальше от Плато.

– Что говорят инклюзии?

«Гнозис» обладала шестьюдесятью закрытыми инклюзиями, десятком открытых, имела долю в сотнях дальнейших и пользовалась услугами большинства освобожденных (те работали по большей части в качестве переводчиков, выстраивая разнообразнейшие Субкоды). Общая численность инклюзий, созданных корпорацией Макферсонов, исчислялась уже более чем десятью тысячами; логические семинклюзии исчислялись сотнями тысяч.

– Взвешивают состояние веро-ро-ро-роятности, – ответил Джудас. – Перекрестные прогнозы из других Колодцев.

– Кому приписывают покушения?

– Здесь – неясности, – признался он и громко чихнул. Вынул платок, упустил, поднял, упустил, поднял, высморкал нос (из ноздрей вышло еще больше белой слизи) и меланхолично выругался.

До них донесся окрик с другого конца помещения:

– Будь здоров!

Джудас повернулся и глянул на Мойтля сквозь густую взвесь, что наполняла бак с Анной Макферсон. Мойтль, с помощью доктора Сойдена, как раз учился ходить, садиться и вставать; все еще трясся, словно эпилептик. Манифестации медикуса отслеживали каждое его движение.

Сам Джудас, чьи использованные биоварные манифестации исчислялись сотнями, обладал в этой области опытом и знаниями куда большими, чем доктор. Ведь только сегодня это было уже третье его тело.

– Что до Мойтля, – произнес он неспешно, еще сильнее понизив голос, – здесь нет уверенности, было ли это покушением. Нет уверенности даже в том, что он действительно умер. Может ему и придется пройти синтез двух френов; а это всегда неприятно. Но... – он вернулся взглядом к дочке и пожал плечами.

– Похищение из-за памяти?

– Инклюзии думали и об этом, – признался Макферсон. – Но Мойтль находится слишком низко в иерархии принятия решений, слишком маленькие выгоды по сравнению с рисками. Что бы они, в лучшем случае, вытащили у него из головы? Ну и никто не знает, куда он той тройкой полетел.

Джудас протянул трясущуюся руку и отвел упавшие на лицо Анжелики волосы.

– Если же говорить о моих убийствах... Инклюзии голосуют, как минимум, за две независимые попытки. Обе тотальные. Первая – более опасная: та наноманция, что, вероятно, сломала протокол, а также протек Плато, да, это было весьма опа-опасно, им почти удалось дотянуться до Полей с моими архивациями. Инклюзии не понимают, как это вообще возможно. Разве что мифический Сюзерен... Император посыпает голову пеплом.

– Ну да. Много тебе от этого —

– Это как раз полезные долги благодарности, Анжель, не относись к словам Императора пренебрежительно. Почему долговечные столь сильны? Потому что у них было время сделать почти всех зависимыми от себя. Смерть обрывает эту паутину контактов, услуг, влияний, их нельзя наследовать, оттого они не разрастаются больше определенного размера – но если ты не умираешь, сеть разрастается в бесконечность. Ты замечала, что первым ин-ин-инстинктом стариков остается неприятие того нового, что приходит из-за границ известного им мира? Если оно не принадлежит сети – представляет собой угрозу. Мы...

– Да? – Анжелика придвинулась ближе, это был уже почти шепот.

Отец тряхнул головой.

– А вторая попытка, – пробормотал, повернув голову так, что щелкнуло в затылке, – была классической вирусной атакой, правда, непривычно вирулентной, видимо, они знали внутреннее коды, уж слишком быстро рухнуло финитивное крипто. К счастью, она оказалась плохо нацеленной: после первой попытки мы переадресовали мои архивации.

– Их столько, что в сутолоке они выбивают друг у друга кинжалы, яд капает на пол, – пробормотала Анжелика.

– Что-то в этом роде, – отец глянул на нее искоса (веко тут же заклинило, и на несколько секунд он впал в мимический тик). – Самый очевидный кандидат – Горизонталисты, но здесь нужны двое кандидатов. И кто второй? А если найдем второго подозреваемого, первый тоже становится сомнительным.

Анжелика в задумчивости накручивала локоны на палец.

– Кажется, де ля Рош надеялась...

– Это фозбэ без Традиции, ничего по поведению и не поймешь.

– Может, именно к тому ону стремилась...

– Может.

– Полагаю, они культивируют нас на своих Полях, знают, как на нас можно сыграть.

– Или же им только кажется, что знают...

Собственно, так и выглядела ловушка, в которую поймал ее отец: бархатный капкан доверия. Еще минута такого диалога – и она была не в состоянии представить хоть какие-то формы отказа от его просьбы.

Она вышла из замка, попрощалась с матерью, нашла Замойского и затащила его на аэродром; сперва хватило шутливого флирта, в конце пришлось тянуть его едва ли не силой. Багаж ждал в самолете. – Пора, пора, потом будем пикироваться, – подгоняла она воскрешенца. Адам с видимым усилием выказывал гнев и возмущение; отчаянно старался отыгрывать нормального человека и задавал, к сожалению Анжелики, сотни каверзных вопросов. Однако истина давно перетекала к нему путем подсознательного осмоса неназываемого. Он кричал, но не сопротивлялся – сопротивление не имело смысла; эта истина тоже дошла до него без слов. Вошел в самолет, уселся, пристегнул ремень. По тому, как он кладет ногу на ногу, она поняла: не хочет показаться смешным в ее глазах. Все еще продолжал расспрашивать, и она, наконец, сказала ему:

– Из того, что я знаю, ты воскрешен из останков, найденных на борту «Волщана» трезубцем отца. Добавь себе шестьсот лет.

Она почти уснула в ванной. Но вода слишком быстро отдала тепло, и Анжелика очнулась, вся дрожа. Вытерлась, расчесала волосы.

Гроза уже закончилась (Африка – это мужчина, его гнев и наслаждение никогда не длятся слишком долго), и Макферсон открыла окно в холодную влагу ночи. Ночь была темной, безлунной, но Анжелике достаточно было лишь закрыть глаза, чтобы увидеть тот же пейзаж, который все эти годы, день за днем выжигали в ее мозгу фрески отраженной жары: наполовину – сухие прибрежные пустыри, наполовину – серебристо-синий океан.

Во время первых ночей, проведенных в этой келье, Анжелика (но какая Анжелика? – не эта, другая, пятилетний щенок) боялась выглянуть в окно; впрочем, в сумерках, да и днем – тоже. Ее пугали эти бесконечные пустоши, две бесконечности двух стихий. Но когда уже взглянула – не смогла отвести взгляд: после снились ей пробуждения в одиночестве, в абсолютно тихом безлюдье, где даже молчание оставалось криком, более отчаянным, нежели сам крик. Артур, сын Муэ, старше Анжелики на семь лет, с позволения отца Френета брал ее на прогулки по околицам монастыря и селения Пурмагезе. Постепенно прогулки удлинялись до нескольких дней (а потом и дольше, до пары недель), до вылазок, экспедиций вглубь черной Африки. Это

продолжалось, пока семью Муэ не изгнали из Цивилизации; Артур улетел из Пурмагезе. Анжелика ходила одна. Иногда к ней присоединялся кто-нибудь из иезуитов. Например, отец Мерво был увлеченным охотником, показывал ей шрамы, оставшиеся от когтей льва, клялся, что – оригинальные. Вместе они ходили на слонов. Когда она впервые увидела смерть слона, у нее перехватило горло. Этот зверь умирал, словно бог. Охотники в таком случае допускают наибольшее из возможных святотатств. Старая самка стояла на холме, подняв хобот, чтобы поймать предчувствуемый уже запах. Пуля Мерво пробила слонихе толстую кость черепа и уничтожила мозг. Самка не успела даже затрубить. Стояла еще миг – неподвижность памятника, – а потом начала падать. Падала, падала, падала – у Анжелики едва не разорвалось сердце – она все падала. Они почувствовали, как вздрогнула земля, когда слониха наконец рухнула в траву. Величие этого зверя слишком велико; величие его смерти дотягивается до реестров, зарезервированных для мистических переживаний. Она поверилась отцу Мерво: – Иной раз мне достаточно выглянуть в окно, и вижу их, стоят над пляжем, самец, самка, молодняк. Ты не должен был ее убивать. – Отец Мерво в ответ сказал ей нечто жуткое: – Сердце охотника, ангелочек. Пойдешь и выследишь. – Она бы скорее руку себе отрезала! Впрочем, в любом случае не было времени для очередных путешествий. Отец Жапре, лингвист, начал с ней свой метаязыковый курс. В Пурмагезе именно в таком ритме и шло обучение: тематическими рядами. Дни и ночи уходили у нее на закрепление грамматических мнемосхем, выведение целых словарей из заданных процессов Субкода. Но сны, сны были бессловесны. Она видела стадо. Самец-проводник поворачивал к ней огромные бивни, темно-желтые от растительных соков. Пока как-то утром к ней не наведалься отец Френет и не сказал, что, в виду ее явной и непреходящей рассеянности, отец Жюпре останавливает дальнейшие лекции. Отец Френет знал о слонах. Благословил ее и попрощался. Не было в том никакого принуждения, лишь призыв исполнить повинность возраста. Через две недели ей исполнялось шестнадцать. Она упаковала рюкзак, забросила на плечо тяжеленный абмер (подарок от отца Мерво) и покинула Пурмагезе. Никто не пойдет с ней и никто не пойдет за ней, если она не вернется сама, она хорошо об этом знала; среди прочего, именно за это родители присылаемых сюда детей платят ордену – за право на риск. Несмотря на это, хотела взять с собой Жоа, который учил ее иероглифам земли. Но тот лишь покачал головой. Поэтому она отправилась одна. В конюшнях Пурмагезе было вдоволь коней, не генимальных, но все равно достаточно выносливых и умных, привитых от континентальных болезней; но все же, Анжелика пошла пешком: так ходят все охотники. Я не охотник, я не охотник, приговаривала сама себе, не убью слона. Ее абмер – был ручной, макроматериальной работы карабин под безотдаточный твердооболочный патрон калибра.540; в традиционных карабинах подобного рода при каждом выстреле выбивает плечо из сустава. Анжелика знала пути слоновьих переходов, большие и меньшие стада пересекали Африку одними и теми же тропами вот уже сотни лет, были у них свои грязевые бассейны, рощи для выпаса, пустыни и болота умирания. Она шла на восток, против солнца – душными полднями, морозными ночами, когда иней серебрится на остриях трав. Просыпаясь у погасшего костра, видела неимоверно яркие глаза гиен, что подкрадывались, чтобы выжрать не слишком глубоко закопанные экскременты. Застрелила трех, когда подошли слишком близко; пули абмера дырявили их, словно невидимое, с кулак толщиной, копье. Она шла, и за время всего путешествия не заметила ни единого человеческого существа. Насколько видела вокруг из-под широкополой шляпы, насколько бы увидела, поднимись в воздух хоть и на километр – Анжелика была здесь единственным человеком. Поняла, что вот уже неделю не произнесла ни слова. После всех тренировок с отцом Жюпре ее так удивила эта естественность полного отвыкания от языка, что она не она смогла сдержаться и заговорила с увязавшимся за ней медоедом; собственный голос звучал как чужой. Кто это говорил? Птица тоже прислушивалась, клоня головку. Молчание опасно. Пока шла, бормотала себе под нос: – Где они, куда ушли...?. – Закончилась еда. Она подстрелила антилопу, толстого телка, такое мясо наилучшее; вся перемазалась в крови. –

Я охотник, конечно, я – охотник... – Умылась в ручье, а выходя из него, увидела на противоположном берегу на сухой земле углубления, похожие на тарелки. Готес оценил бы их в три-четыре дня. Упаковав прокопченные лучшие куски мяса, она двинулась по следам стада. Было их где-то пятьдесят голов, в том числе с дюжину молодняка. Теперь она шла на север, темнота перебралась на левую сторону, где ей и было место. Слоны странствовали в темпе бесцельного бродяжничества – находишься они в долговременном переходе, Анжелика никогда бы их не догнала, умели бежать днями напролет. Но счастье ей улыбнулось. Счастье, предназначение, Бог, дьявол – в любом случае, она догнала их пурпурным рассветом, они стояли в извилине болотистой реки. Сначала услышала треск ломающихся деревьев, о которые они отирались в предрассветном полумраке, треск громкий, словно минометные разрывы. Она сбросила рюкзак, сняла с плеча абмер, подошла с подветренной стороны. Пурпур внезапного рассвета был теперь прямо напротив нее, силуэты слонов двигались на фоне лишенного звезд полотна неба, словно бумажные демоны в японском театре теней. Во всеохватной тишине до Анжелики доносились громкие фыркание и попукивание зверей, и их запах, были они так близко, она сняла оружие с предохранителя. Рука сама сдвинулась по ложу и отжала холодный металл, смерть присела на правом плече Анжелики, карабин подскочил к глазам, она взглянула сквозь прицел, ну и увидела того самца, как поворачивает к ней свои большие желтые бивни, маленькие глазенки глядят спокойно, вислые уши медленно колышутся, был он огромен, был силен, опасен даже в сонной своей расслабленности, был он прекрасен. Ей пришлось дышать открытым ртом, полной грудью, так сильно стиснул ее кислородный голод, она почувствовала воодушевление, боль в солнечном сплетенье. Смотрела на самца и знала, что уже не в состоянии снять положенный на спуск палец, опустить холодный абмер, время двигалось по параболе, минута требовала завершенности, брошенный камень всегда падал. Бабах! Выстрел был мастерским, слон бессильно завалился набок, словно под ногами его провернулась земля. Анжелика перезарядила. Вокруг убитого собрались остальные звери, раздался рев. Она выстрелила во второй раз, в воздух. Стадо запаниковало, бросилось через болотистое русло прямо в туннель кровавого света, что отворился восходящим солнцем над далеким горизонтом. Земля, когда она подходила к застреленному самцу, тряслась под ногами – не то от масштаба бегства испуганных зверей, не то от галопа ее собственного сердца. Самец лежал на боку и все еще был выше ее, таким она его видела. Остановилась в пяти-шести метрах от головы слона; боялась подойти ближе. Она знала, что он мертв, и все же боялась, что едва подойдет – он взмахнет хоботом, двинет головой, в последний раз дернет ногой и сломает ей хребет, выпустит кишки, раздавит. Была в этом убеждена, но все же подошла, дотронулась, уперла сапог в огромное тело. Она жила. Она убила слона, и вот он, ее слон, мертвый. Она низвергла величие. Поставила абмер на предохранитель и отбросила, отбросила шляпу, сняла сапоги и сняла носки, освободилась от куртки, рубахи, шорт. Нагая, стояла она под солнцем. Двумя руками начала собирать с его твердой, жесткой кожи грязь и полными горстями накладывать на себя. Солнце, меж тем, вошло в синеву, и сцена вдруг взорвалась красками. Миг назад Анжелика еще дрожала от холода – теперь сохла на ней теплая скорлупа глины. Она разожгла костер. Вернулась за рюкзаком; вытащила мачете и отрубила слоновий хобот. Испекла его и съела. Был он вкусен именно так, как Анжелика запомнила. Ее вытошнило. Пошла за водой. В одной из чистых приречных луж увидела свое отражение. Оно ошеломило ее тем сильнее, поскольку оказалось столь невыразительным. Только белки глаз сверкали. Она не могла распознать себя в себе. Смотрела и смотрела, поскольку была это важная картина, она чувствовала, что должна все запомнить, что та очертит ее на годы, на столетия, на вечность; уговорила себя и поверила, и так все это стало правдой. – Я. Я. Я. Да. – Она набрала воды, картина исчезла. С той поры, однако, она видела ее, сколько бы раз не смотрелась в зеркало, и тогда таинственно улыбалась сама себе, потому что в этих зеркалах были чистая одежда, гладкая кожа, блестящие волосы, в то время как она помнила о шершавой черноте звериной грязи. Однако слоны ей больше не снились, и она уже

не боялась законной пустоши, даже, кажется, перестала тосковать по близким, по Фарстону. Осталось лишь одно сомнение, лишь усиленное тем, что Джудас сказал во время своего визита в Пурмагезе – действительно ли он знал об этом, спланировал ли это, заплатил ли ордену и за это?.. Слоны.

И это теперь ей снилось – он, отец: смерть и воскрешение Джудаса Макферсона.

Этажом ниже и несколькими кельями дальше Адаму Замойскому также снилось воскрешение – свое и чужое. Он видел во сне и не был уверен, воспоминание это или же онейрическое видение. Вспоминал он правду или вспоминал ложь?

Поскольку во сне прекрасно помнил: на день седьмой они увидели башни города.

На день седьмой они увидели башни города, а растянулся тот по красной долине длинным овалом низкой застройки, Река Крови разрезала его на две идеально ровные половины. Щелкунчик Планет висел на вечернем небосклоне, хаотическое созвездие псевдозвезд освещало опустошенный мегаполис холодным светом. Веретена солнца, Гекаты, видно не было. Царил бесконечный вечер, инерциалы в ядре планеты работали на полную мощность, нивелируя ее вихревое движение, сила притяжения стала несколько большей. Комъядро включено почти триста часов назад, и атмосфера уже успела взвихриться в одну огромную, бесконечную грозу, а десятки тысяч подводных и наземных вулканов отрывали в небо миллионами тонн грязной лавы и пепла.

Земля тряслась под ногами, когда они спускались к городу.

– Нарва, – сказал Воскрешенец. – Нарва. Нарва.

Город звался Нарва, планета звалась Нарва, Боги звались Нарва, Нарва было проклятием и криком радости, Нарвой были заняты их мысли.

МультиЭдвард взблеснул в три личности, прыгнул на волне в сторону, под волну вверх, имел крылья и не имел крыльев, пел и молчал. Сбившись в единство, он встал на колени и поклонился городу, четырехкратно ударив лбом о глину – так, что та оставила у него на коже над переносицей след: толстая черная полоса, знак священного умащения. И вновь утратил решительность, разделившись на два варианта: один повернулся и побежал прочь, вереща от испуга, – второй вынул Меч 2.01 и проверил его на предплечье: полоса крови, где исчезла кожа.

Замойский шел, духи умерших подсказывали ему дорогу —

– Господин Замойский!

Она вошла, пока он спал, и теперь стоит между кроватью и окном, неясное пятно тени на фоне густых клубов света – столько-то видел проснувшийся Адам.

– Что там опять? – захрипел он.

Щурился, пытаясь разглядеть ее лицо. Машина ассоциаций медленно разгонялась в его голове. Голос женщины – мисс Анжелика Макферсон – Фарстон, свадьба – палец в мозгу Джудаса Макферсона – китаец из воздуха – невозможно.

Память вчерашнего дня распадалась на тысячи фрагментов, оставалась холодная тьма. Он даже вздрогнул. Нина. Шестьсот лет.

– Похоже, вы были правы, – сказала Анжелика. – Вы таки узник. Прошу одеваться, беру вас на сафари.

– Что —

– Звонил Джудас, изменение планов. Осторожности мало не бывает. Слишком многое за это время случилось... А даже здесь вас могут увидеть многие из тех, у кого есть доступ к Плато, пусть и через материальные интерфейсы в рамках Традиции.

– Увидеть... – зевнул он. – И что с того?

Как объяснить воскрешенцу из XXI века гадание из Колодца Времени? Определяя неизвестное через известное, ей пришлось бы пересказать ему сейчас половину «Мультитезауруса». В последний миг она прикусила язык.

– Люди сплетничают. Другие воспитанницы иезуитов. Сами иезуиты. Нам нужно переждать вдали от них. Вот вам новая одежда. Прошу поторопиться.

Сказав это, она вышла, чтобы он мог спокойно одеться. Остановилась сразу за углом; скрытая в тени, была невидима от перекрестка коридора. Отец Френет, понятно, знал обо всем, но ей не хотелось отвечать на любопытные вопросы других обитателей монастыря. А те, несомненно, прозвучали бы при виде ее одежды, недвусмысленно говорящей, что сразу после возвращения из Широкого Мира она собирается в длительное путешествие вглубь Черного Материка. Хорошо бы этому типчику поспешить. Она нервно постукивала каблуком в стену. Звонили колокола Первого часа.

А может и правда, подумала Анжелика, я его стражник, тюремный надзиратель, он узник, а я – стражник, может и правда. Такие отношения возникают лишь между теми, кто равен друг другу: некто свободен, а я ему эту свободу ограничиваю, неправомочно расширяя свободу собственную; отбираю то, что ему принадлежит. Если же, все же, равенства нет... Хозяин – не стражник собственному псу, а пес – не его узник, хотя его держат в ошейнике и на цепи. На самом деле хозяин – это его опекун. По крайней мере, должен им быть.

Как там говорил мне Джудас? Не употребил этих вот слов, но смысл был ясен: передаю тебе эту собственность – опекай ее.

Она льстила себе, что говорила Замойскому правду, что с самого начала говорила ему только правду; было в этом нечто вроде спорта экстремальной нравственности: никогда не лгать тому, кто полностью отдан под твою милость и должен верить каждому твоему слову.

Джудас действительно позвонил, еще перед рассветом. Разговор происходил через обычный звуковой аппарат, абсолютное ретро и Ортодоксия. Они обошли Плато, не пользовались даже спутниковой связью; сигнал бежал световодом, непосредственно из Пурмагезе в Фарстон.

Джудас был краток. Арманд *filius* Барански, независимая инклюзия неявной Традиции проинформировала Ложу о выявлении топографического дефекта на Млечном Пути, около четырех тысяч четыреста световых лет от оригинального положения Сол-Порта. Кто-то украл порядка четырех кубических парсеков космоса. В изъятом пространстве находилась целая звездная система – а теперь от нее и следа не осталось. Высланные Цивилизацией зубцы наткнулись в окрестностях лишь на десяток деформантских инсталляций. Оцениваются те в двести-триста Клыкков.

Значит, Деформантский Порт? Те отрицали. Даже если были откровенны – но может ли любуй из Деформантов ручаться за другую Деформанту? И уж наверняка – не за всех. В том-то и суть Деформации, чтобы не признавать никаких цивилизационных норм.

Ко всему прочему, несколько объединений Деформантов потребовали от Цивилизации натуральных возмещений, то есть Клыками или в чистой экзотической материи. Возмещений за что? Джудас информировал Анжелику, что созвано заседание Великой Ложы; публично об этом пока еще не объявлено.

Ситуация, таким образом, начала обретать признаки кризиса. Здесь шла некая игра, а Джудас не знал ни ее правил, ни ставок, ни игроков. Чтоб подпустить еще большего тумана, Император в рамках следствия по делу о недавних покушениях на Макферсона рапортовал о многочисленных искажениях на пустых Полях Плато ХС, но ни источников, ни методов возмущений он все еще не был в состоянии понять. Это дало повод к еще одной лавине истерических гипотез о Стоках. В медиа в очередной раз оживут все истерические мифологии Плато, энстахсы начнут свои антипрогрессовские протесты, Горизонталисты обновят сепаратистские постулаты, а на биржах Дома поползет вверх паритет ЭМ...

Самое худшее, с чем мог столкнуться клан Макферсонов, – вспышка войны из-за воскрешенца, являющегося их собственностью. Малая Ложка, казалось, и так склонялась к решению отобрать у «Гнозис» монополию на импорт внецивилизационного знания. Если теперь —

– Мисс Макферсон.

Она выглянула из-за угла.

– Пойдем!

– Мой багаж в Фарстоне —

– У вас нет большего багажа.

– Но ведь —

– Что?

– Когда мы вылетали из Фарстона, вы обещали мне, что все —

– Это и есть все.

Он держал в руках сумку и несессер.

– Я прилетел из Варшавы фирменным чартером ТранксПола, взял кучу оборудования, несколько костюмов —

– Вам теперь костюмы не понадобятся. Пойдемте.

– Погодите! Мне нужно позвонить —

– Кому? И зачем? – она в раздражении пнула стену. – Проснись! Что я тебе говорила? Ты не прилетел из Варшавы! Ты не работаешь ни в каком ТранксПоле! Тебе некому звонить! То, что ты помнишь – это последствия катастрофы в твоей голове. Дошло наконец?

Он с интересом поглядывал на нее еще долгое время после того, как она замолчала. Она смутилась, опустила глаза, густые волосы закрыли лицо, детский рефлекс. Замойский отставил багаж, взял ее за руку – она отступила, хотела вырваться, не удалось, он был сильнее, и она перестала дергаться, с вызовом вскинула голову – он взял ее за руку и поцеловал в запястье.

– Анжелика, ангел мой, веди, – заявил, усмехнувшись в усы.

И я должна его оберегать, я должна его контролировать. Быстрым шагом она двинулась к боковой лестнице. Зачем же ты послал ко мне именно его, отец? Единственная вещь, которой не могли научить меня иезуиты, не научила Африка: силе и слабости мужчины.

Они незаметно выскользнули во время мессы. Анжелика уже успела подготовить коней. Отправились они на юг, потом повернули на юго-восток, потом на северо-восток, вдоль реки. Сезон дождей уже завершился, русло, несмотря на вчерашний ливень, было почти сухим.

Замойский на коне выглядел весьма потешно. Она оглядывалась на него через плечо, и с каждым следующим поворотом лицо его становилось все болезненней. Он ни о чем ее не спрашивал, и это являлось самым четким доказательством полной подавленности Адама Замойского.

В час сиесты, сойдя на привале с коня (а как он сходил – нужно было видеть), воскрешенец пал навзничь в мелкой тени речного берега. Надвинул шляпу на лицо и лишь тогда, из-под шляпы, в безопасности от насмешливого взгляда Анжелики, успокоив дыхание, принялся ворчать свои вопросы.

– Зачем?

– Потому что нужно сделать все, чтобы избежать войны.

– А что мне до ваших войн? – фыркнул он.

– На тебя обратили внимание. Существует возможность... Существует такое будущее, где...

– У вас тут есть машины времени?

– Что? Нет! – фыркнула она раздраженно. – Просто... – она поискала в голове определение, – хронопатические узлы черных дыр позволяют частицам с нулевой или близкой к нулевой массе двигаться назад по потоку времени.

– Ага, – шляпа на его лице даже не дрогнула.

Разочарованная, она потянулась и сбила ту с его лица. Он заморгал.

Она склонилась над Замойским, заслонив ему половину синего неба.

– Создаются контролируемые коллапсы, крафтируется геометрия окружающего пространства-времени, – она выговаривала слова медленно, делая четкие паузы между предложениями. Она видела его, он же – лишь пятно тени, и все же не мог отвести взгляд; она припилила его к каменистой земле – не пошевелиться. – Отсюда происходят вероятностные предсказания. Можно действовать на их реализацию, можно – против. И вот, опираясь на информацию из Колодца «Гнозиса», мы убрали тебя в тень, чтобы минимизировать шансы начала войны.

– Кто это «мы»?

– Мы. Макферсоны.

– Какое вообще отношение я имею к этой гипотетической войне?

– Не знаю. Такое вышло из Колодца.

– Ага. Чудесно. Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

Почему он спросил именно о возрасте? Она поднялась, чтобы отвести коней к ближайшей луже. Множественное число первого лица слетело с ее губ рефлекторно, поймав врасплох, и рефлекторность эту она не понимала до конца. Хватило и недели в Фарстоне; эта неделя и горький яд доверия, столь коварно влитый в ее вены в замковых катакомбах пустышек. Джудас, похоже, отработал метод превосходно, отточил на бесчисленных детях и внуках, что годы и века до Анжелики изливали свои сиротские сны на холодные камни монастыря Пурмагезе.

Она снова попыталась принудить себя к ненависти. (Что за отец, Король-Механик, а не отец...!) Ничего не получилось. Ощущала себя частью семьи. Как она могла воспротивиться Джудасу, сопротивление невозможно, не было места для сопротивления, не осталось для того и малейшей щелочки. Он поверял ей проблемы, планы и секреты – даже не попросив о сохранении тайны! Самым естественным из возможных способов – признавал ее право на фамилию, на кровь, на наследство. Оказанное Джудасом доверие связало ее крепче дюжины коннективных сетей в мозгу. Он подкупил ее, она это понимала.

Я хотела быть подкупленной, прошептала она своему грязевому отражению в замутненной луже. Я мечтала об этом, видела это во сне. Анжелика Макферсон. Ждала этого. Она ощерилась в грязь, та вернула оскал.

– И как мне убедиться, что ты не обманываешь меня от начала и до конца? – крикнул Замойский, обмахиваясь шляпой.

– Это непросто, – призналась она, возвращаясь с конями. – Поскольку в том-то и дело, чтобы отрезать себя от Плато. Но, давай будем искренни, с мозгом двадцать первого века ты настолько тотальный неуч —

– Вот спасибо.

– Не стоит, я же от всего сердца. Ты настолько тотальный неуч, что у тебя нет выхода, придется принять некоторые вещи на веру.

Она присела в тени, вытянула ноги, достала батон, откусила.

– Хотя бы то, что сам ты – не конструкт на Плато, и что эта ящерица – ящерица, а не симуляция СИ.

– *Virtual reality*, да?

– Нет, отнюдь нет. Внутри СИ ты сам бы являлся такой же симуляцией, что и ящерица, только несколько сложнее.

– СИ?

– Семи-инклюзия. Инклюзия, которая... Проклятие, это тебя только с толку собьет. Инклюзии в физическом смысле – это все продолжительные отрезки пространства-времени. Но Порты можно произвольно открывать и закрывать; хотя удержание Порта – дорого. Открафтирование инклюзии требует большего расхода энергии, зато тот будет разовым. Все параметры инклюзии выставляются в момент открафтирования. Поэтому она отсоединяется с

параметрами, которые подбираются под самые разные потребности, например, под продуктивность процессинга. Есть еще логические инклюзии, они действуют уже в специализированных Отрезках, процессируют на тех негэнтропианах, под которые выбраны параметры. Плато – это инклюзия. Император – это инклюзия. Самые сильные AI работают на инклюзиях, что превосходят наш Предельный Компьютер.

– Стоп, назад.

– Ну ведь даже ты должен был слышать о Предельном Компьютере!

– Конечно, – вспыхнул он, – даже я. Машина, лучше которой невозможно спроектировать, поскольку ее ограничивают исключительно физические постоянные. Компьютер, который невозможно превзойти.

Подобный Предельный Компьютер представлял собой машину настолько же абстрактную, как и машина Тьюринга: модель, выстроенная «всухую», только на уравнениях, чистая мыслительная конструкция. По крайней мере, так помнилось Замойскому. Главным ограничением для него должна была являться плотность размещения логических ячеек. А также термодинамика, то есть охлаждающие способности процессора: любой процессор с тактовой частотой больше 10^{16} раз в секунду, моментально сторел бы в пепел, а в видимом спектре излучал бы – что наиболее эффективно – словно маленькое солнце. Границы определяла также и внутренняя синхронизация сигнала: тот не мог быть выше скорости света даже для компьютеров относительно небольших, а значит, при диаметре меньше метра непреодолимая тактовая частота представляет 10^{10} с^{-1} . Потом – стена: не технологическая, но возникающая из самой природы вселенной: из того факта, что все таково, каково оно есть.

Примечание к Антропному Принципу: если бы могли существовать лучшие компьютеры, не могли бы существовать люди.

Во времена Замойского это было аксиомой.

«Но теперь ведь – теперь-то уже не мои времена».

Он почесал затылок.

– Инклюзии, превосходящие Предельный Компьютер, работают, опираясь на другие законы физики, верно? Это единственный способ.

– В том-то все и дело. Мета-физика. Вплоть до самой UI, предельной инклюзии, святого Грааля мета-физиков: конструкта, что работает в оптимальной комбинации постоянных. Я не слежу за этим внимательно, но говорят уже о трехмиллиардных поколениях. Понимаешь, каждая открытая инклюзия проектирует себя в очередной, усовершенствованной версии, в новой физике – разговор потому, скорее, о линиях тождественности... О френах, которые этими линиями движутся... Несколько десятков таких инклюзий манифестировали себя на свадьбе, ты наверняка видел эти манифестации. Но искусственный интеллект в том значении, в каком использовали это понятие в твоё время... Ха! Половину гостей, с которыми ты говорил в Фарстоне, можно было бы квалифицировать подобным образом.

– Они не были людьми, я понял.

– Правда? Как же?

– А что, это трудно определить?

– Понимаешь, я ведь тоже не принадлежу к их миру, ощущала себя там чужой, не каждый день вращаюсь между ними. Может поэтому отец... – Анжелика в задумчивости облизнула пальцы. – Хм, речь не о том, что ты не видишь разницы, дело в том, что разница настолько обычна. Самое трудное – самое трудное обозначить границу.

– Границу? Между чем и чем?

– Человеком и нечеловеком. Это ведь... – она сделала неопределенный жест остатком батона, – ...размывается. По сути, всё – мы, «Гнозис», Император, вся Цивилизация – всё служит только этой цели: чтобы мы могли указать на нечто и сказать «се человек». Это давно уже превратилось в политическую проблему, в Ложе переголосовывают такие и эдакие дефи-

ниции, из века в век мы разливаемся по Кривой все шире... Даже мы, стахсы, даже стахсы Первой Традиции, Джудас, когда воскресает – даже в этом случае существует такой момент, исчисляемый в планках разрыв, когда человек является исключительно информацией, бестелесной структурой сознания, нагим френом.

– То есть – чем?

– Тем, чем является всякая программа или данные: упорядоченным искажением Полей Плато.

– Плато – дай угадаю – некая общемировая компьютерная сеть, ультракиберпространство, верно?

– Нет, скорее нет. Во-первых, их миллионы, миллиарды, никто не знает – сколько. Во-вторых, они вообще не находятся в этом мире. Это инклюзии с комбинациями физических постоянных, оптимальными для своих целей. Например, стоимость и время Транса на Плато минимально: из любого места во вселенной перевод с Плато или на него длится один планк. Логические операции проводятся с максимальной скоростью, во Времени Словинского. А само название – Плато – дано исходя из положения этих инклюзий на графике Реми.

– Погоди! Один планк из любого места? А что со скоростью света? Это же насилует Эйнштейна!

– Ну, нисколько.

Видя его лицо, она захихикала.

– Ну ладно, не стану забивать тебе голову. Прочтешь сам, когда вернемся в Цивилизацию. С твоего времени было три или четыре обобщения физики, включая мета-физику; всякое следующее – все более тонкое. И чего же ты ждешь от простой девушки из буша?

– Ну, ты-то наверняка знаешь, в каком мире живешь. Твоя семья, твой отец... Живет, умирает, воскрешается, живет...

– Это только так говорят: воскрешается. Просто его френ, структура его мозга —

– Умеете сканировать человеческий мозг и проводить симуляцию его работы в реальном времени?

– Ага.

– Это невозможно! – Адам даже сел. Слишком резко – скривился от боли, выгнул спину, кулаком ударил себя в бок. – Ух. Эта кляча меня доконает. Ну подумай, даже если бы вы каждый нейрон, каждый синапс... Ну – как?

Она пожала плечами.

– И с какой стати я должна в этом разбираться? Я не когнитивист. Как-то умеют.

– Да ну...

– Не хочешь – не верь. Сколько ты сумел бы объяснить из своего мира какому-нибудь средневековому селюку? Тот уже в лампочку должен был бы уверовать.

Кажется, он обиделся, возможно на «селюка». Анжелике оставалось немного до очередного взрыва. Какое право имел Замойский обижаться на нее за правду? Она отвечает этому полоумному древлянину искренне, словно исповеднику, ничего не скрывает – а он что? Обижается. Ну и бес с ним.

Они ехали на восток. Замойский двумя руками упирался в луку седла, и в таком положении сильно шатался из стороны в сторону. Grimасы страдания надолго вытравились на вспотевшем лице. Спешившись, он продолжал кривиться, мышцы забывали расслабляться. Я должна была это предвидеть, подумала Анжелика, и, по крайней мере, выбрать для него иноходца. Уж его-то шаг Замойскому было бы легче терпеть. Он то и дело отставал, ей приходилось придерживать своего скакуна, поворачивать.

Впрочем, так близко от Пурмагезе не было нужды отправляться на длинные рекогносцировки, слишком хорошо она знала эту землю. Мысленно уже прикинула весь маршрут на

неделю вперед, рассчитала время до очередных стоянок, ее старых лагерей. Война из пророчеств Колодца датировалась плюс семьдесят, оттого ее ждало минимум два месяца бродяжничества с калекой. Если только война не является независимой данностью, что осуществится как с присутствием Замойского, так и без оно.

Впрочем, африканские пустыни, предоставляя неплохую гарантию изоляции от Плато, не гарантировали укрытия от решительного следопыта, которому известно ДНК разыскиваемого. Внутри Порта подобной гарантии не давало ничего; и уж точно – не на поверхности планеты. Информация не просочится на Плато, если они не войдут в контакт с кем-то/чем-то, с Плато соединенным, непосредственно либо опосредованно; а опосредованно мы с ним соединены все; спутники фиксируют каждый квадратный километр Земли, в том числе и африканский буш, а значит, следы нашего путешествия все же попадают на Поля Плато NS. Единственное, чего мы сумеем достичь – в лучшем случае – перемещаясь на периферию Цивилизации: минимизировать шансы реализации пророчества.

Она задумалась над этим, собирая древесину для костра. Первому лагерю выпало быть подле скального источника, окруженного молодыми деревьями. Рощица разрасталась на юг от распадка на обрывистом склоне базальтового холма, одинокого в саване; из распадка вытекал ручеек.

Порой Анжелика обнаруживала в этой роще стаю обезьян – но теперь ей пришлось всего лишь убить старую мамбу, что свернулась клубком во влажном мраке под скалой. Замойский смотрел на это большими глазами.

Она поставила пистолет на предохранитель, спрятала его под куртку.

– Ну что, – фыркнула, – змея.

И ушла собирать топливо.

Царила уже почти стопроцентная темень, на небе стоял лишь Юпитер, древесину приходилось собирать на ощупь; а где одна мамба – там могла оказаться и вторая. Счастливая судьба, подумала она. Как всегда.

– Она могла тебя укусить, – сказал Замойский, когда она вернулась.

– Могла.

– Ах, верно, вы ведь восстаете из мертвых.

– Ну-у, – засмеялась, разводя огонь, – это не меня воскрешали, я в этом теле и родилась.

Он поднял руку на высоту глаз, сжал пальцы в кулак, разжал, сжал, разжал, в свете пляшущих по дереву маленьких жирных язычков пламени его кожа казалась темно-желтой, почти бронзовой. перевел взгляд на Анжелику, что копалась во выюках – белки глаз девушки были единственными светлыми фрагментами на совершенно черном сейчас лице.

– Я не помню другого тела.

– Если бы она меня укусила, я бы – в новой пустышке – тоже этого не помнила.

– Но помнила бы —

– Себя до записи, да.

– Когда это было? Последняя запись?

Она пожала плечами.

– Несколько месяцев назад.

– А я не помню никаких записей – не было подобной технологии – это тело —

– Расскажу тебе, как его сделали, – она повесила над огнем котелок, вынула мясо и нож, начала резать. – Достали останки. Читали ДНК и френы. Запустили френы в AR Плато. Любой френ обладает каким-то представлением о самом себе, тем-то сознание и отличается от бессознательных программ. Если представление не совпадало с фенотипом, выведенным из ДНК, строили тело на новой ДНК, более подходящей к представлению. Понятно, что другого тела ты не помнишь: это все, что ты запомнил о своем теле.

– Люди обладают ложными воспоминаниями о самих себе, – он вынул из огня палочку, принялся рисовать на земле асимметричные фигуры. – Когда смотришь в зеркало, видишь много странных вещей. В действительности я мог бы быть, например, женщиной-трансвеститом.

– Ха-ха-ха.

– Помню, как я впервые увидел себя в фильме, школьный приятель выслал мне файл со своего телефона, увидел себя в движении, сзади, в профиль, как повернулся, смотря на собственное движение... Взглянуть на себя снаружи – шок. Он – я – он – я – он. У актеров должны быть как-то совсем по-другому устроены мозги.

– А помнишь, как ты тогда выглядел?

– В детстве? Такой неловкий карлик с выпирающими зубами, глупая улыбка, вытаращенные глаза.

– А я была очень худой. Кожа да кости. Считала себе ребра.

– Постоянно жила в Пурмагезе? У тебя там приятели, подруги.

– Ничего им не рассказала, если ты об этом.

– Нет, я —

– Марта, Эри, Жюстина, Панчущ, Жильберта, Жоа, Аламрева...

– Мачек, Кшисек, Эвка Белая, Эвка Черная, боже мой, вы же похожи, как две капли воды! Я только сейчас, когда вспомнил —

– Эвка?

Смущенный, он рассмеялся. Левой рукой потер затылок, правой смахнул рисунки в пыли. Кинул палочку в огонь.

Анжелика встала, бросила мясо в кипящую воду.

– Я не хотела бы тебя пугать, но такие вещи случаются.

– Какие вещи?

Она не смотрела на него.

– Во время синтеза, соединения двух френов. Скажем, меня посчитают умершей. Проходит записанное в завещании время контакта, запускается процедура воскрешения. Будут пустышку, впечатывают ей в мозг последнюю запись моего френа. А потом я найдусь живой-здоровой. Но в Цивилизации не может быть двух Анжелик Макферсон, уникальность биологической манифестации является базовой дефиницией стахса. Тогда происходит синтез. В твоём случае, структура френа была нарушена в результате механических повреждений его носителя —

– Мои мозги разорвало.

– Да. Именно поэтому. Но последствия очень схожи. Когда реконструируется френ, память и личность заполняют лакуны, находят новое равновесие... Отец Теофил страдал от подобного. Его любимица, малышка Жанна – он клялся, что именно так выглядела сестра Теофила, когда они были детьми. Из-за этого люди после синтеза проводят часы, просматривая семейные хроники и публичные сканы с Плато.

– А почему же мне не дали просмотреть хроники времен отбытия «Вольщана»? Не сохранились?

– Джудас говорил —

– Ну, что?

– Что тебя на них нет.

Он продолжал массировать затылок. Анжелика помешивала в котелке, повернувшись боком.

– Меня нет, – пробормотал он.

– Нет твоего тела, нет никакого Адама Замойского в реестрах.

Он лег навзничь, заложив руки под голову. В дыре меж кронами деревьев зияла черная пустота беззвездного неба Сол-Порта.

– Ну ладно, – подала голос Анжелика. – Та Эвка – ты не сказал, с кем меня просинтезировал.

Он засмеялся, сначала принужденно, потом, оценив намерения девушки, почти искренне.

– Такая милая кузиночка. Поцелуйчики под изгородью. Кусала меня за ухо.

– Я не кусаю.

– Умерла от лейкемии во время учебы.

– Я не умру.

Он усмехнулся в пустое небо.

– Даже если умрет та или иная пустышка, – продолжила она, управляясь у костра. – Это всегда будет только разбитое зеркало. Я задумывалась над этим: если бы существовали зеркала, в которых можно увидеть нагой френ...

Домашнее ощущение этой суеты навевало сонливость. Замойский слышал слова Анжелики, но перестал воспринимать их смысл, те проплывали мимо, еще одна мелодия африканской ночи, потрескивал огонь, пятна света и тени, дрожа, смешивались на наклонной стене зарослей, какая-то зверушка вздыхала за деревьями... он уснул.

Анжелика смотрела на него сквозь взлетающие в дыме искры. Замойский чуть похрапывал. Она перестала говорить (поймала себя на том, что снова что-то ему объясняет). Сняла котелок с огня. В каком-то смысле ты мой ребенок, господин Замойский. Вылепляю тебя. Ей вспомнился другой разговор, возле другого костра. *Таким способом мы формируем его, пожалий, даже сильнее, чем просто вылепляя ДНК.* Отец знал, что нынче ты будешь наиболее податлив, должен был это понимать. Почему не сказал мне об этом прямо? Отказала бы я? Не могла я отказать. Она присела на трухлявый ствол, попробовала горячее варево. Мужчина похрапывал все громче. Картинка меж языками пламени прыгала, абрисы тела Замойского расплывались. Она закусила губу. Сладенький этот пустышка. СИ подвела, но – два месяца лицом к лицу, ни одного другого человека, ни одного другого голоса – я вращу в твою кровоточащую память как сорняк, как опухоль, не избавишься от меня до конца жизни.

Он пришел в себя внезапно, поддетый чертовым когтем за кишки души. Нога дернулась; он сел и увидел, что пинает пепел костра.

Зеленые тени плясали над приручевой поляной, вращаясь в утреннем калейдоскопе попеременно с наклонными колонами солнечных лучей. Роща шумела и стрекотала. Кони стояли неподвижно.

Мышцы у Замойского затвердели, словно каменные, он попытался встать и лишь выругался; попытался снова – и упал. Теперь уже весь перемазался в пепле. Нужно умыться, подумалось ему. Нужно отлить, нужно переодеться, нужно чего-нибудь выпить, горло – словно подошва, тьфу. После третьего раза он поднялся на ноги. На противоположной стороне кострища Анжелика приподняла веко, глянула, махнула рукой и снова уснула.

Он захромал к ручью, а потом пару десятков метров по его течению. Роща была небольшой, и Адам, сам того не заметив, вышел в саванну. Сразу получил солнцем по глазам – чуть слезы не брызнули. Полил последнее дерево; моча разбрызгивалась о корни фонтаном мелких капель, почти прекрасная.

Постанывая и ругаясь себе под нос, он разделся и вошел в холодную воду. Все было таким ярким, таким отчетливым, словно ночью мир перешел на стандарт *high definition*. Слишком яркие птицы поглядывали на Замойского, склоняя головки влево-вправо. Он плескался, фыркал и хохотал.

Не взял ни мыла, ни полотенца – потом голышом прошелся вокруг рощи, чтобы позволить коже обсохнуть. Солнце на бледно-голубом небосклоне показалось ему абсурдно огромным, ослепительным. Интересно, они в этом Сол-Порту случайно не манипулировали орбитами планет?

Одеваясь, он глядел вдоль ручья на юг, прямой выстрел взглядом к линии горизонта. В нескольких сотнях метров дальше вставало над травами очередное облако густой зелени: кроны деревьев, тени скал, удивительный контраст яркой горячей флоры. Африка, подумал он, и впервые себе поверил. Два месяца, а то и дольше. Дичь. Усмехнулся в усы. Даже не помню, не случилось ли уже со мной подобного путешествия... Но вот ведь какая штука – мне это нравится...!

Дыша ртом – вдох, вдох, вдох, пока не защекочет в легких, выдох – двинулся он к той зелени на юге. Уже приноровился к рвущей боли в мышцах. Сорвал длинную травинку, сунул в зубы. Волосы были еще мокрыми, но они тоже быстро сохли. Ему захотелось засвистеть. Я вообще умею свистеть? Он глуповато скалил зубы в голубое небо. По сути – кто бы на самом деле не захотел получить возможность проверить, как будет выглядеть мир через сто, двести, шестьсот лет? А я – в еще лучшей ситуации: не помня – не жалею. Если уж тогда я сознательно согласился на участие в той экспедиции «Вольщана», видимо, мало что было мне терять. Нина? Не было никогда никакой Нины.

Он вошел меж деревьями, ручеек куда-то исчез, тут тоже были скалы, он продрался сквозь колючие заросли, повернул по солнцу и вышел на поляну. Анжелика спала около потухшего костра. Один из коней с подозрением покосился на Адама. В песке подле ручья вода наполняла следы Замойского, что вели вдоль берега на юг.

Замойский стоял и смотрел. Невнятные мысли гуляли в голове, десятки вопросов, вне подлежащих и сказуемых. Он выплюнул стебель. Осторожно отступил назад в саванну. Глянул на север, откуда пришел. Обошел рощу и глянул на юг: ручей, саванна, роща.

После короткого колебания он снова обошел заросли и вернулся той же дорогой, прямо на север. Заметил даже некоторые из поломанных им раньше травинок. Тут он мочился; тут купался. Прошел вдоль ручья до самой поляны. Анжелика спала, конь косился.

Замойский засомневался.

Присел на свое седло. Разбужу ее, подумал он вяло, и она все мне объяснит.

Но нет, сидел и глядел. Она лежала на левом боку, с коленями, подтянутыми под подбородок, а правая ладонь частично закрывала лицо. В медленных движениях груди он читал ритм спокойного дыхания. Маленькая, салатная мушка путешествовала по темной глади ее щеки. Когда доберется до глаза, разбужу ее. Губы Анжелики во время выдохов чуть-чуть раздвигались, складываясь в первую фазу гримасы удивления, удивленные женщины всегда выглядят немного моложе. Она же, во время выдохов, в пухлости своего подбородка и безупречности загорелой до бронзовости кожи, казалась чуть ли не ребенком.

На Замойского внезапно снизошла убежденность, что он уже поступал так в прошлом, что именно такую имел привычку, нервный тик души: смотреть на нее спящую. Это – тончайшая разновидность интимности, поскольку только она гарантирует стопроцентную искренность объекта. Тираны дневного света во сне расслабляют маски своих лиц, завалы зевесовых морщин растапливаются, словно масло на крыше, освобожденная от напряжения кожа возвращается к древнейшей из позабытых форм, той, правдивейшей. Жертвы солнечной поры – во сне они хмурят брови на неведомых притеснителей, издают решительные бормотания, энергично двигают челюстью.

Я привык так вот просыпаться, предполагал он, ночью, под утро, и смотреть, как под веками движутся ее глазные яблоки, следя за пролетающими в стране снов серафимами; как управляемые рефлекторными ассоциациями, пробегают по ее лицу – словно быстрые тучи в

осеннем небе – короткие отражения гримас, которые она корчит по ту сторону. Ее абсолютная безоружность пленит меня. Она прекрасней всего, когда об этом не знает.

Мушка взбиралась на черную бровь девушки, Замойский поднялся, подошел, потряс Анжелику.

– Что-то произошло, – сказал он. – Юг закольцован с севером, саванна сжалась в кулак. Я хожу по кругу, по собственным следам.

– Значит, они нас поймали, – сказала она, садясь, моментально проснувшись.

– Кто?

Она пожала плечами.

– Те, кто нас закольцевал, – встала и потянулась. – Теперь слушают и смотрят.

Он едва сдержал гримасу:

– Значит, мы где? Не на Земле?

Она снова пожала плечами:

– Что значит – «где»? Здесь. «Где» будет лишь, когда нас откроют. Какое значение имеет для Сол-Порта, куда летят его Клыки?

– Но Солнце, – указал он рукой. – Я вижу Солнце!

– Верно, видишь.

Она подошла к ручью, присела, набрала воды, напилась и сказала:

– Потом нас убьют.

– Что?

– Всегда убивают.

– Потом? После чего?

– После того, как получают то, ради чего нас похитили, – она обернулась к Адаму через плечо. – Это политика, господин Замойский. Всегда и везде речь лишь об одном: об информации. Мне очень жаль.

Она глубоко вздохнула, мокрыми ладонями провела по волосам.

– Как видно, война была неизбежна.

Глава 3. Мешок

КРАФТ

Негравитационное моделирование пространства-времени.

В Четырех Прогрессах развит уша и рахабами из инфлатонной физики. Теория и практика крафта, в свою очередь, сделали возможным развитие мета-физики.

Оптимальным энергетическим инструментом крафта является т. н. Клык. Единичный Клык делает возможным крафт линейный, векторный (например, создание крафт-волны, гребень которой во внутренних системах перемещается быстрее света). Два Клыка делают возможным тензорный крафт. Три Клыка – полное свертывание пространства-времени, то есть создание Порта. В развитой мета-физической инженерии требуется большее, точно фиксированное количество Клыков.

Популярные формы крафта:

Волна qFTL

Порт.

Эн-Порт (Порт многократный).

Мешок.

Инклюзия (Порт Отрезанный).

Декрафтизация («выпарывание» Порта).

Крестокрафт (неравномерный, двойной тензорный крафт).

Крафт-дыра (односторонний сброс энергии).

Транс.

«Построение» черных дыр (см. Колодец Времени)

«Мультитезаурус» (Субкод HS)

Задыхаясь, он наконец упал в траву.

Однако тело помнит, тело обладает автономной памятью, подумал он. Когда-то я бегал. Когда-то я бегал часто и долго, любил бегать. Тело помнит.

И всего через миг, чуть отдышавшись: да хрена там помнит – две, три недели, не старше, возрастили его от простейших белков, ничего оно не помнит, кроме наноматической крови и механических маток.

Анжелика глядела на него из-под крайнего дерева рощи.

– Сказала бы – метров шестьсот.

– Ага, – согласился он. Солнце било в глаза, заслонился предплечьем. – Круг, насколько могу оценить. Но вверх? Там – что? Небо?

– Есть методы, – уверила она. Сидела на вылезшем из травы корне, ножом соскребала что-то с каблука. – Нас взяли в Мешок.

– Этот Мешок... Что-то вроде Порта, полагаю?

– Более-менее. В том смысле, что... я так думаю, они должны были применить нечто подобное. Мы ведь находились внутри Сол-Порта, и всякий Порт, его покидающий, должен иметь авторизацию Совета Пилотов. А мой отец – его член. Совет никогда бы не выпустил Клыки с закрытым Портом сразу после кражи куска Земли. И такие Клыки невозможно спрятать внутри Сол-Порта. Пустое дело. Безумие.

– И что же они, по-твоему, сделали?

– Свернули нас в Мешок. По сути, такой же крафтинг, что и в случае с Портами; только здесь Клыки находятся внутри складки и поддерживают ее отсюда. Так мне это излагали в теории: что есть как минимум два набора Клыков. Один сворачивает пространство вместе с

ними самими; второй, тоже свернутый, удерживает нормальный Порт. Понимаешь, пузырь в пузыре, луковица.

– В таком случае, мы находились бы в этом внутреннем Порту.

– Верно. Поскольку – как же иначе?..

В задумчивости Адам помассировал шишку на затылке.

– Ведется ли реестр Клыков, что находятся внутри Сол-Порта? Тогда достаточно провести быструю инвентаризацию, и отсутствующие указали бы виновника. Нет?

Анжелика саркастически рассмеялась.

– Не все так просто, – она вынула и надела черные очки. – Подумай-ка минутку.

Он подперся локтем, заглянул в тень, в которой она укрылась.

– Это что, какая-то загадка? Я в этих ваших супертехнологиях не разбираюсь.

Она надула губы:

– Э. У тебя – все данные. Это очевидно.

Подзадоривала его, развлекаясь его невежеством, он это знал.

И конечно же принял вызов.

– Его доставили контрабандой, в Мешке же! Открыли только на миг похищения. Верно? Я прав?

– Видишь, ты уже ориентируешься.

– Не относись ко мне как к ребенку! – отвел он взгляд. – Это как болезнь. Дефект – не моя вина. Никогда не любил этой манеры сиделок и врачей: сюсюкают с взрослыми пациентами, словно с дошколятами. От подобного так скачет давление, что не удивлюсь, если именно такое сюсюканье привело к паре инфарктов уже в госпиталях.

– Блин, какие мы нервные, уж простите милостиво, господин Замойский.

Он встал и двинулся вверх по ручью, чтобы напиться. Но в мыслях все еще крутил загадку Мешка: вернувшись, атаковал Анжелику снова, с этой стороны.

– Но ведь вы должны ожидать чего-то подобного! В Мешке можно контрабандно провезти как в Порт, так и из него любое число Клыков! Разве у вас нет никаких охранных систем? Хотя бы детекторных – я не в курсе, как оно проявляет себя снаружи...

Анжелика явственно замешкалась с ответом:

– Это не так —

– А как?

Он встал над ней, тень над тенью – и, спрашивая, придвинулся еще ближе. Но опаматовавшись с полужеста. Отошел под соседнее дерево, оперся о ствол.

Девушка поглядывала на Замойского по-над стеклами. В нем разыграл гнев. Адам ждал, что сейчас она снова снисходительно улыбнется. Но нет, лишь смотрела.

– Что опять?

– Ты все еще пытаешься поймать меня на лжи.

– Что?

– Не веришь в этот мир. Мы тебя обманываем. Не сумею чего-то объяснить и – вуаля! – иллюзия раскрыта!

– Объяснить, не объяснить... Но если уж я вижу очевидные противоречия —

– И что тогда? Давай проведем тест, – она потерла ладони. – Расскажи мне какую-нибудь историю из своей жизни. Любую. Ну. Давай.

– А ты будешь искать в ней противоречия, ага? Большое спасибо. Я и так знаю, что в памяти у меня – дыра на дыре.

– Трус.

– Вот, значит, во что играют дети у иезуитов? В исповеди?

– Трус, трус. Чего боишься? Гребаный ты интроверт. Нужно разговаривать. Ты не знаешь, что помнишь, пока не попытаешься об этом рассказать. Как и не знаешь, что ты на самом деле

думаешь на данную тему, пока не начинаешь насчет нее с кем-то ссориться. В одиночестве ты даже в собственных противоречиях не уверен. Думаешь, для чего нужна исповедь? Что, ты никогда к психоаналитику не ходил?

– О, ты уж моим психоаналитиком не будешь!

– Какого тебя узнаю, таким ты и запомнишься.

Короткое замыкание: как реагировать? Он рассмеялся. Она смотрела на него с подозрением. Он замолчал и сел под деревом, глаза ее были за матовой чернотой очков на расстоянии в два маха руки от него.

– Слушают, да? – пробормотал.

– Слушают и смотрят, – согласилась она. – И вообще.

– Время играет не на их стороне. Мы уже не должны бы жить, а?

Она пожала плечами:

– Время тоже можно моделировать Клыками. Есть различные изгибы и отрезывания пространства-времени. Это большая отрасль мета-физики. Ее я знаю только в общих чертах.

– Слушают, – повторил он.

– Да.

Наступило долгое молчание. Ни жеста, ни вздоха, ни шелеста одежд – чтобы другой не заметил. Они обоюдно понимали даже собственное стеснение, и были стеснены тем пониманием. Тут преломляется само *savoir-vivre*, подумал Замоиский. Когда возникает угроза жизни, теряют смысл существования любые поведенческие каноны – поскольку каков в них смысл перед лицом конца? Никакого, никакого. А значит, абсолютная свобода.

Но ведь он на собственном опыте убедился, что это неправда!

Но не осознавал до конца. Что его сковывает, если уж в этом Мешке оба они де-факто преступили границу смерти, и нынешняя форма их существования представляет, скорее, что-то вроде бокового отростка основной линии жизни? Ведь вычитанный с предыдущей архивации френа макферсоновскими когнитивистами, он не будет помнить ничего этого – жизнь пойдет новой, параллельной тропкой.

А значит – что? Я верю или не верю в эту смерть?

– Когда Джудас узнает? – спросил.

– М-м?

– О похищении. Когда?

В задумчивости она склонила голову:

– Зависит от того, как они все разыграли. Предприняли ли маскирующую акцию в полном масштабе...

– Но ведь он утратил контакт, а значит, наверняка заинтересуется...

– Ну нет, контакт был разорван в момент, когда мы покинули Пурмагезе, в этом-то и был весь смысл: убрать тебя за горизонт событий. Если бы Джудас с нами контактировал, даже просто проверял, все ли у нас в порядке, то мы бы влияли – ты бы влиял – на его решения.

– Семьдесят дней! Да? Значит они —

– Я же говорила: это уже предрешено, – она поправила очки. – Но все же, дыры в инфе нельзя залатать незаметно; так или иначе, но очень скоро все узнают, Император – первым... Академические размышления, не бери близко к сердцу.

Взорвись, говорил он себе. Сейчас.

– Но это ведь нужно быть ненормальным!.. – выкрикнул Адам. – Это не по-человечески! Ты ведь все еще жива, мы оба живы! Как можешь вот так вот сказать себе: «Предрешено, дальше буду жить по-настоящему, лишь когда впечатаясь в пустышку»? А? Щелк – и переключаешь себя в состояние безволия? Кто так думает?! Это невозможно!

– Для тебя.

– А для тебя? Не верю.

– Угу, ты сейчас мне прямо сердце разбил.

Он выдохнул, покачал головой и прошептал:

– По собственному желанию лишиться инстинкта самосохранения. Какая-то мазохистская тренировка дзэна. Невозможно, невозможно.

Она поглядывала на него по-над стеклами; он закрыл глаза, не видел ее, что не мешало ей смотреть на него.

Невозможно. Она провела языком по деснам, надула щеку. Конечно невозможно. Точно так же невозможна совершенная искренность, абсолютная верность, универсальная красота. Когда он рассказал о свертке саванны, а она встала на колени перед ручьем и взглянула на свое отраженное в воде лицо – в тот самый миг обрела уверенность, что не будет истерить, что не взорвется проклятиями и не заплачет. «Потом они нас убьют», – сказала сухо, и ее ослепило воспоминание о Джудасе Макферсоне, что отдает кельнеру бокал, чтобы наноматическая убийца не расплескала оставшиеся несколько капель вина, когда станет вырывать ему хребет. Замойский слишком много себе воображает, это нисколько не психологические извращения, она не сошла с ума. Просто другая реакция была бы... неестественной. Если бы было у нее —

Солнце упало с неба.

Инстинкт отрицал слова Анжелики: она вскочила на ноги с рукой на рукояти ножа.

Земля дернулась под ногами вверх, изменилась горизонталь, и на Анжелику обрушилась гора теплой грязи. Если Адам и кричал, то его крика она не слышала; как не слышала и собственного – так может и вправду боялась не так уж и сильно?

Тяжелая жижа проникала в рот, в нос, под веки. О том, чтобы вдохнуть свежего воздуха не могло быть и речи. Две минуты, подумала она; и ее сотрясла сильная дрожь, когда заметила, как уверенно и без сомнения очерчивает она длительность оставшейся ей жизни.

Горячая масса напирала со всех сторон, выкручивая руки-ноги, растягивая суставы, давя на позвонки. Плющила тело.

И внезапно, прямо из аналитического холода Анжелика впала в крайнюю панику. Умру! Умру! Быстрыми вдохами втягивала жижу в рот.

Удивительно: она всегда была уверена, что, когда дойдет до чего-то подобного, ее испугает сопровождающая боль, а не сам факт смерти. Ведь смерть – всего лишь обрез, граница небытия, точка нульвремени, подпланковый случай, ее невозможно ощутить. Совсем другое – боль тела. Но все было наоборот: страдание организма неким образом даже успокаивало – и лишь осознание близкого конца, само знание о неминуемом, таком близком последнем вздохе...

Она грызла камни. Ела землю. Втягивала в легкие грязь.

Шлуссе! Невесомость, падение в бездну. Давясь, она открыла глаза и увидела тьму. Мне залепило глазные яблоки! Метнулась руками к лицу, но раньше, чем успела до него дотронуться, падение закончилось, и она ударилась о твердую почву. Колено, бедро, локоть – словно током в них ударило. Земля упала на Анжелику крупными комьями глины, большими и меньшими – словно град – камнями. Доли секунды – и она вновь погребена, снова не в силах двигаться. Давление было теперь не настолько сильным, но какая уж разница, если вместо воздуха лезет в рот и ноздри – песок, и гравий, и густая грязь? Умру, умру.

Она уже чувствовала, как горят легкие, огонь, дотягивающийся до трахеи. Холод конечностей, дрожь пальцев, стук крови, красно под веками, она спазматически втягивает, калеча язык и небо, комья земли, сейчас потеряет сознание и упадет в теплую тьму, когда мозг в кислородном голодании откажет в дальнейшем процессинге френа. Даже в катарсисе тела ей отказано, потому что она не может даже двинуться, освободить истерию, погребенная живьем... Конец.

Вырванная из тьмы, она скорчилась в конвульсивном кашле, слепо размахивая руками. Услышала крик, что-то толкнуло ее в спину, выкрутило руку.

Она понятия не имела, что происходит, притупленные чувства пропускали лишь информацию о боли, а та шла из грудной клетки, из-за грудины.

Она плевала кровью, слюной и песком. Воздуха! Выгрызала его перед лицом короткими рывками головы; каждый второй вдох блокировался инородными телами в трахее.

Наконец, до ее ушей добрался звук, и Анжелика услышала, как хрипит: не был это звук, который надеешься услышать от человеческого существа.

Огонь в легких стихал. Она бессильно упала на спину.

Медленно подняла руку (сто фунтов, мертвый камень) и отерла с лица слой грязи. Тут же кто-то ей помог, деликатно очистив глаза.

Она заморгала.

– Сядь, – сказал ей Замойский, поднимая факел повыше – чтобы не опалить ее волос. – Наклонись. Пей, тебе нужно проблеваться.

Туманное пятно – так выглядит его лицо.

Она с трудом сосредоточила взгляд. У него была густая черная борода. Левой рукой протягивал ей флягу. На плече его сидела трехголовая птица с серебристыми перьями.

Она протянула руку к воде и потеряла сознание.

Замойский спрятал флягу. Нож, которым Анжелика ранила его в руку, сунул в сапог. Отложив факел, поднял девушку и вынес ее на свет. Проскочил сквозь стену воды и вошел в пещеру под кривым сводом волнующейся по ветру саванны. Уложил Анжелику на приготовленную постель. Последняя змея медленно коптилась над экономным огнем. Над фиолетовым горизонтом вращался стройный Клык.

Замойский уселся в тени холодного камня, промыл и перевязал рану. Если теперь случится заражение, подумал, и мне будет угрожать неизбежная смерть – появятся ли они тогда,отреагируют ли хоть как-то? Ради Анжелики не вмешались. Но она ли была целью?

Ибо тогда – тогда он и вправду поверил, что те решили наконец взяться за дренаж его мозга и аккуратно забирают его в свои интеррогационные помещения, куда-то вглубь секретных аналитических машин. Солнце погасло, и что-то потянуло его вниз, земля расселась под ногами, он успел лишь увидеть вскакивающую на ноги Анжелику с ножом в руке и подумал: жаль, – после чего проглотил его черный левиафан. В ушах все еще звучали ее слова: «Это предопределено». Не вырывался. Летел во тьму, спокойный – если не духом, так телом.

Его пронзил шок внезапного холода, когда он с плеском рухнул в воду. Нет, это хлюпанье доносилось со всех сторон: не только Замойский упал сюда из солнечной Африки – упали тонны земли, упала вместе с ними Анжелика, наверняка вся роща, деревья, звери... Проплывали мимо в глубине, в бурунах взболтанной воды, увлекая за собой цепочки воздушных пузырьков; что-то зацепило его за штанину – он вырвался.

Выплыл обратно на поверхность, вздохнул. Протер глаза и, фыркая, осмотрелся во тьме. Нулевая ориентация. Можно ли вообще говорить о сторонах света в Мешке? Одно направление все же отличалось от остальных струящимся оттуда легким свечением, в то время как остальные стороны запечатывал густой мрак – туда-то Замойский и поплыл, к свету.

Поскольку ориентиров ни для пространства, ни для времени не было, он сосредоточился на собственных гребках. После четырехсотого, проверив, ощутил ногами землю. Вылез на берег. Сорвал с ног какую-то траву, что оплелась вокруг колен.

Граница света и тьмы, резкая и явственная, словно грань жизни и смерти, бежала по земле в нескольких десятках метров впереди. Где это я, в какой-то пещере? Лежа на каменистом пляже теней, он перевернулся на спину. Не увидел никакого свода. Тяжело дышал. Мышцы рук и ног вздрагивали в сериях судорог и спазмов. В ботинках хлюпала вода. Пахло старой гарью.

Он закрыл глаза и рассмеялся.

Потом вышел на солнце и застыл, пораженный. Катастрофа. Что-то в руках богов испортилось, что-то треснуло в механизмах Клыков. Невозможно, чтобы похитители, поймавшие их в Мешок, сделали это специально.

Ничего не находилось на своем месте. Даже земля и небо. Он взглянул, откуда падает свет, где находится источник того тепла, что сушило кожу и одежду, – там не было солнца. Там, сгибаясь в параболическую дугу к бесконечности, простиралась желто-зеленая саванна. Он видел пределы этого мира-в-пузыре, пределы языка скалы и песка – словно кто-то вырезал кусок торта и втиснул его – но не слишком глубоко – в небесный свод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.